

**Бестселлер
The
New York
Times**

**Эрик
Ларсон**

В саду ЧУДОВИЩ

**Любовь
и террор
в гитлеровском
Берлине**

Эрик Ларсон

**В саду чудовищ. Любовь и
террор в гитлеровском Берлине**

«Альпина Диджитал»

2011

Ларсон Э.

В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине /
Э. Ларсон — «Альпина Диджитал», 2011

ISBN 978-5-96-147769-6

Известный журналист и автор нескольких бестселлеров Эрик Ларсон предлагает читателю погрузиться в атмосферу Берлина 30-х гг. XX в., в переломный период новейшей истории Германии – от назначения Гитлера на пост канцлера до узурпации им власти и превращения страны в «сад чудовищ» – диктатуру, активно готовящуюся к войне. В этот период США придерживались позиции невмешательства и предпочитали не замечать милитаризации, преследования инакомыслящих и признаков будущего террора. Главные герои книги – Уильям Додд, в 1933 г. назначенный послом США в Берлине, и его дочь, светская львица, которая поначалу восхищалась гитлеровским режимом. В основе сюжета – официальные документы, мемуары, дневники и письма, позволяющие узнать о судьбе главных героев: дипломатов, общественных деятелей, журналистов, представителей нацистской верхушки и простых людей. Вместе с послом и его семьей читатель проходит путь от неприятия реальности к осознанию зла, которое несет режим нацистов, а затем – к отчаянным, но безуспешным попыткам предупредить мир о грозящей опасности.

ISBN 978-5-96-147769-6

© Ларсон Э., 2011
© Альпина Диджитал, 2011

Содержание

Das Vorspiel	11
1933	13
Человек за ширмой	13
Часть I	15
Глава 1	16
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	29
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эрик Ларсон

В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине

Переводчик *Алексей Капанадзе*

Редактор *Валерия Башикирова*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Деркач*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *А. Кондратова, А. Смирнова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Фотография на обложке *GettyImages.ru*

© 2011 by Erik Larson

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Пабlishер», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Моим (и еще двадцати пяти) девочкам (и в память чудесной собаки Молли)

Тиргартен, 1933 г.

1. Тиргартенштрассе, 27А
2. «Бендлер-блок»; канцелярия посольства США
3. Отель «Эспланада»; консульство США
4. Штаб-квартира гестапо
5. Рейхсканцелярия
6. Министерство иностранных дел Германии
7. Посольство СССР в Германии
8. Посольства Франции и Великобритании в Германии; отель «Адлон»; Бранденбургские ворота
9. Рейхстаг
10. Вокзал «Лертер»

*Земцю жизнь пройдя до половины,
Я оцутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

***ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ.
Божественная комедия¹***

---

¹ Пер. М. Лозинского.

Das Vorspiel

Vorspiel – 1) муз. прелюдия, вступление; увертюра; 2) театр. пролог (пьесы); 3) перен. пролог, начало, прелюдия; 4) спорт. предварительная игра, отборочное соревнование; 5) муз. исполнение, проигрывание (в присутствии кого-либо).

**БОЛЬШОЙ НЕМЕЦКО-РУССКИЙ
И РУССКО-НЕМЕЦКИЙ СЛОВАРЬ**

<https://de-rus-de-big-dict.slovaronline.com/123137-Vorspiel>

На заре чрезвычайно мрачной эпохи двое граждан США, отец и дочь, неожиданно покинули свой уютный дом в Чикаго и оказались в самом сердце гитлеровского Берлина. Они провели там четыре с половиной года. Но мы расскажем лишь о первом годе их пребывания в Германии, поскольку это был тот год, когда Гитлер совершал восхождение к вершинам могущества. Канцлер приобретал абсолютную власть и превращался в тирана. В то время все пребывало в неустойчивом равновесии; еще ничего не определилось окончательно. Тот первый год стал своего рода прологом, увертюрой, в которой впервые прозвучали все темы грядущего грандиозного эпоса кровопролитной войны, всех тех событий, которым суждено было вскоре случиться.

Меня всегда интересовало, каково было постороннему человеку воочию наблюдать за тем, как сгущается мрак гитлеровского режима. Как выглядел город? Что мои герои видели, слышали, обоняли? Как дипломаты и другие иностранцы, оказавшиеся в столице Германии, воспринимали и объясняли происходящие события? Сегодня нам кажется, что на протяжении этого неопределенного, неустойчивого периода можно было с легкостью изменить ход истории. Почему же никто этого не сделал? Почему понадобилось так много времени, чтобы осознать реальную опасность, которую представлял Гитлер и его режим?

Как и большинство моих современников, я знакомился с той эпохой по книгам и фотографиям. У меня сложилось впечатление, что в тогдашнем мире не было цвета: лишь оттенки серого и черного. Однако оба моих героя столкнулись с действительностью того времени непосредственно, она предстала перед ними во плоти. При этом им приходилось выполнять рутинные служебные обязанности. Каждое утро они выходили в город, увешанный гигантскими красно-бело-черными полотнищами. Они сидели в тех же уличных кафе, что и поджарые эсэсовцы в черных кителях. Иногда они видели и самого Гитлера – тшедушного человечка в огромном открытом «мерседесе». При этом на балконах домов, мимо которых каждый день проходили мои герои, пышно цвела красная герань. Мои герои посещали гигантские берлинские универмаги. Они устраивали чаепития, они упивались весенним благоуханием Тиргартена – крупнейшего столичного парка. Геббельс и Геринг были их светскими знакомыми, с которыми они обедали, ужинали, танцевали, шутили... Но однажды, когда первый год их пребывания в стране подходил к концу, случилось событие, которое оказалось одним из важнейших эпизодов, проливающих свет на истинный характер Гитлера. Это событие определило ход истории в следующее десятилетие. Для отца и дочери оно изменило все.

Перед вами документальное повествование. Как это принято, цитаты в кавычках – это выписки из писем, дневников, воспоминаний и других первоисточников. Работая над книгой, я не ставил себе целью написать очередной толстый исторический том о той эпохе. Я хотел написать камерную книгу, показать этот ушедший мир сквозь призму впечатлений и переживаний двух моих главных героев – отца и дочери, которые, прибыв в Берлин, начали свой путь открытий, внутренних изменений, а в конечном итоге – глубочайшего и жесточайшего разочарования.

В книге нет героических личностей, во всяком случае таких, как в фильме «Список Шиндлера». Но на ее страницах читатель увидит и проблески героизма, и неожиданные проявления благородства. В исторических документах всегда можно увидеть поразительные нюансы, тонкости, полутона. В этом и сложность работы над документальной прозой. Приходится откладывать в сторону факты, которые известны *сейчас*, и пытаться следовать за двумя обычными людьми по окружавшему их миру, показывая, как они воспринимали его *тогда*.

Это были непростые люди, и жили они в непростое время, когда скрытая ранее истинная сущность окружавших их чудовищ явилась в полной мере.

ЭРИК ЛАРСОН,

Сиэтл

1933

Человек за ширмой

В том, что проживавшие в Германии американцы посещали консульство США в Берлине, не было ничего удивительного, но они приходили туда не в таком состоянии, как человек, явившийся в четверг 29 июня 1933 г.² Это был Джозеф Шахно, врач из Нью-Йорка. Ему исполнился 31 год. До недавнего времени он принимал пациентов в пригороде Берлина. Сейчас он раздетый стоял за ширмой в помещении для медосмотров. Оно располагалось на первом этаже консульства, и в обычные дни хирург, работавший в государственной системе здравоохранения, осматривал здесь намеревавшихся переселиться в Соединенные Штаты. С тела Шахно была почти полностью содрана кожа.

В кабинет вошли двое только что прибывших сотрудников консульства. Один из них был Джордж Мессерсмит (почти однофамилец немецкого авиаинженера Вильгельма Мессерсмитта), с 1930 г. занимавший пост генерального консула США в Германии. Будучи высокопоставленным представителем американского дипкорпуса, Мессерсмит руководил работой десяти консульств в разных городах страны. Рядом с ним стоял вице-консул Реймонд Гейст. Как и подобает образцовому дипломату, он старался в любой ситуации сохранять спокойствие и невозмутимость. Но сейчас Мессерсмит видел, что Гейст очень бледен. Судя по всему, он был глубоко потрясен.

Состояние Шахно потрясло обоих дипломатов. «С головы до ног это был кусок живого мяса, – ужасался Мессерсмит. – Его стегали кнутами, избивали всевозможными способами, пока в буквальном смысле не содрали с него кожу, обнажив кровоточащую плоть. Стоило мне лишь взглянуть на него, как я был вынужден броситься к одной из раковин, над которыми консульский хирург обычно мыл руки»³.

Как выяснил Мессерсмит, Шахно избили девять дней назад, но раны еще не зажили и были хорошо видны. «Даже девять дней спустя на теле были полосы от лопаток до колен: видимо, врача били и спереди, и сзади. Ягодицы были измочалены практически до мяса, и на значительных их участках по-прежнему не было кожи. Местами плоть представляла собой сплошное кровавое месиво»⁴.

Мессерсмит невольно задался вопросом: если раны выглядят так через девять дней, какими же они были сразу после избиения?

Постепенно начала вырисовываться следующая картина.

В ночь на 22 июня в дом Шахно вломились несколько человек в форме. Поводом стало анонимное обвинение врача в том, что он – потенциальный враг государства. Пришедшие обыскали дом и не нашли ничего подозрительного, но забрали Шахно и доставили его в свою контору. Там ему приказали раздеться, а потом двое мужчин долго и жестоко стегали его кнутами. После этого Шахно отпустили. Он сумел кое-как добраться до дома, а затем вместе с женой бежал в Берлин, где в районе Митте⁵ проживала ее мать. Неделию он пролежал в постели, а как только почувствовал, что может двигаться, пришел в консульство.

---

² Более подробная информация о деле Шахно содержится в: “Conversation with Goering,” unpublished memoir, 5–6; Messersmith to Hull, July 11, 1933, and July 18, 1933 – в архиве Messersmith Papers. См. также итоговый отчет о нападениях на американцев в: Phillips to Roosevelt, Aug. 23, 1933, file no. 362.1113 /4 1 /2, State/Decimal.

³ Messersmith, “Conversation with Goering,” unpublished memoir, 6, Messersmith Papers.

⁴ Messersmith to Hull, July 11, 1933, Messersmith Papers.

⁵ Митте (от нем. Mitte – центр) – центральный район Берлина. – *Прим. ред.*

Мессерсмит распорядился отправить избитого в больницу и в тот же день выдал ему новый американский паспорт. Вскоре Шахно с женой бежали в Швецию, а оттуда перебрались в Америку.

Аресты и избиения американских граждан происходили с января – с тех пор как Гитлер был назначен канцлером. Но столь вопиющего случая еще не было, хотя тысячи немцев, родившихся в Германии, стали жертвами таких же, а зачастую и гораздо более суровых расправ. Для Мессерсмита это стало еще одним свидетельством того, насколько трудно стало жить при Гитлере. Он понимал: подобное насилие – не случайный преходящий приступ жестокости, а нечто большее. В Германии явно произошли фундаментальные перемены.

Он понимал это, но знал: мало кто в Америке разделяет его понимание. Его все больше тревожил тот факт, что мир было трудно убедить в реальных масштабах угрозы, которую представлял собой Гитлер. Генконсулу же было совершенно ясно: Гитлер тайно, но активно готовится к захватнической войне. «Жаль, что не удастся донести это до наших соотечественников, живущих на родине, – писал он в Госдепартамент в июне 1933 г. – Мне кажется, они должны понять, что в сегодняшней Германии явно возвращается дух войны. Если правительство страны продержится у власти еще год и будет действовать в прежнем направлении и такими же темпами, как сегодня, оно многое сделает для того, чтобы превратить Германию в реальную угрозу миру на планете на много лет вперед»⁶.

Далее он писал: «Почти все руководители страны за немногими исключениями разделяют мировоззрение, которое не понять ни вам, ни мне. Некоторые из них – явные психопаты, и в нормальных обстоятельствах они лечились бы в клинике».

Между тем в Германии не было постоянного представителя США. Предыдущий посол, Фредерик Сакетт, отбыл из страны в марте, вскоре после инаугурации Франклина Делано Рузвельта (в 1933 г. президент официально вступил в должность 4 марта)⁷. Вот уже почти четыре месяца пост постоянного представителя оставался вакантным. Предполагалось, что новый посол прибудет не раньше чем через три недели. Мессерсмит не был с ним знаком лично и в суждениях опирался лишь на услышанное от своих многочисленных источников в Госдепартаменте. Но он знал, что новому послу придется сразу погрузиться в кипящий котел жестокости, коррупции, фанатизма и что это должен быть достаточно волевой человек, способный отстаивать интересы США в Берлине и демонстрировать могущество своей страны, – ведь Гитлер и его подручные понимали только язык силы.

Однако про нового посла говорили, что это человек непритязательный, без особых амбиций, поклявшийся жить в Берлине скромно, – в знак солидарности с согражданами, обнищавшими во время Великой депрессии. Поразительный факт: чтобы подчеркнуть свою бережливость, новый посол даже вез в Берлин свой выдавший виды «шевроле»⁸. Он вез его в город, где приближенные Гитлера разъезжали на громадных черных туристских автомобилях⁹.

---

⁶ Messersmith to Phillips, June 26, 1933, Messersmith Papers.

⁷ В соответствии с принятой в 1933 г. Двадцатой поправкой к Конституции США дата инаугурации президента была перенесена с 4 марта на 20 января. Данная мера была призвана сократить время, в течение которого уходящий президент был «хромой уткой».

⁸ Вот источники, где содержится больше информации о транспортировке автомобиля Додда, чем может понадобиться даже самому дотошному исследователю: Howard Fyfe to Harry A. Havens, July 8, 1933; Herbert C. Hengstler to Dodd, July 10, 1933; Paul T. Culbertson to Dodd, June 19, 1933; все это в архиве, Box 40, W. E. Dodd Papers.

⁹ Туристские автомобили изначально предназначались для поездок на большие расстояния (как увеселительные, так и деловые). В описываемое время часто имели откидной верх. – *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. пер.*

Часть I На пути в сумрачный лес

Додды прибывают в Гамбург

Источник: Library of Congress

Глава 1

Спасительная должность

Телефонный звонок, навсегда изменивший жизнь семьи Додд из Чикаго, раздался в четверг, 8 июня 1933 г., ровно в полдень¹⁰. Телефон зазвонил, когда Уильям Додд сидел за своим рабочим столом в Чикагском университете.

Он был деканом исторического факультета, а преподавал в университете с 1909 г. В США он получил признание как специалист по истории американского Юга и автор биографии президента Вудро Вильсона. Это был сухопарый человек 64 лет, ростом чуть выше 170 см, с серо-голубыми глазами и светло-каштановыми волосами. Хотя его лицо даже в состоянии покоя хранило суровое выражение, он обладал живым, пусть и несколько едким, чувством юмора. Его жену Марту все называли Матти. У Доддов было двое детей: дочери, которую, как и мать, звали Марта, исполнилось 24 года, сыну Биллу (Уильяму-младшему) – 28 лет.

Это была во всех отношениях счастливая, дружная семья, не сказать чтобы богатая, но вполне обеспеченная, несмотря на экономический спад, охвативший тогда страну. Додды проживали в большом доме номер 5757 по Блэкстоун-авеню, недалеко от чикагского Гайд-парка, в нескольких кварталах от университета. У Додда также была маленькая ферма близ городка Раунд-Хилл (штат Вирджиния), на которой он возился каждое лето¹¹. Согласно описям графства, ее площадь составляла около 160 га. Именно на ней Додд, типичный демократ джефферсоновского толка¹², в окружении 21 телки гернзейской породы, четырех выхолощенных жеребцов (Билла, Коули, Менди и Принца), трактора Farmall и конных плугов Syracuse чувствовал себя наиболее привольно. На старой дровяной плите он варил себе кофе из жестяной банки Maxwell House. Правда, его жене на ферме нравилось гораздо меньше. Она с готовностью предоставляла мужу возможность пожить там одному, а прочие члены семьи оставались в Чикаго. Додд назвал ферму «Стоунли» (на полях было разбросано множество камней)¹³ и рассказывал о ней в выражениях, в каких другие мужчины говорят о своей первой возлюбленной. «Яблоки у нас прекрасны, почти безупречны, ветви яблонь сгибаются под тяжестью сочных красных плодов, – писал он как-то погожим вечером в пору уборки урожая. – Все это мне очень по душе»¹⁴.

Обычно Додд не использовал расхожие сравнения, но о том телефонном звонке всегда говорил, что он раздался «как гром среди ясного неба»¹⁵. Впрочем, он немного сгущал краски. Друзья уже несколько месяцев твердили ему, что однажды такой звонок раздастся. Додда удивили (и встревожили) некоторые особенности этого звонка, его, если можно так выразиться, характер.

С некоторых пор Додда перестало устраивать положение, занимаемое им в университете. Ему нравилось преподавать историю, но еще больше он любил писать. Вот уже несколько лет он работал над научным трудом, который, как рассчитывал, должен был стать исчерпываю-

---

¹⁰ Dodd, *Diary*, 3.

¹¹ “Farming Implements” and Survey, Box 59, W. E. Dodd Papers.

¹² Томас Джефферсон (1743–1826) – один из отцов-основателей США и авторов Декларации независимости, третий президент страны (1801–1809). С увлечением управлял унаследованной от отца крупной фермой.

¹³ Stone (англ.) – камень.

¹⁴ William E. Dodd to Martha Dodd, Oct. 15, 1926, Box 2, Martha Dodd Papers.

¹⁵ Dodd to Westmoreland Davis, June 22, 1933, Box 40, W. E. Dodd Papers.

щим повествованием о первом периоде истории американского Юга. Предполагаемый четырехтомник он назвал «Расцвет и закат Старого Юга». Но снова и снова Додд замечал, что рутинные преподавательские обязанности мешают ему продвигаться в работе над книгой. Ближился к завершению лишь первый том, а Додд уже был в том возрасте, когда следовало опасаться, что его так и похоронят вместе с неоконченными набросками остальных трех томов. Он договорился с руководством факультета о сокращенном графике работы. Однако, как это часто бывает с такого рода неформальными соглашениями, получилось не так, как он надеялся. Увольнения коллег и финансовые трудности, переживаемые университетом (и то и другое было вызвано Великой депрессией), вынуждали Додда трудиться в учебном заведении так же напряженно, как и прежде, ублажая университетскую администрацию, готовясь к лекциям, выполняя бесчисленные просьбы аспирантов. В письме в хозяйственное управление университета от 31 октября 1932 г. он умолял, чтобы в его кабинете по воскресеньям не отключали отопление¹⁶, чтобы он мог хотя бы один день в неделю посвящать своему историческому труду, не отвлекаясь на другие дела. Одному из друзей он признавался, что оказался в затруднительном положении¹⁷.

Его недовольство усугублялось убежденностью в том, что ему давно пора было бы занимать более высокую ступень карьерной лестницы. Стремительному продвижению по службе, как Додд жаловался жене, мешало то обстоятельство, что он не принадлежал к привилегированному сословию, а потому ему всего приходилось добиваться самостоятельно, упорным трудом, в отличие от многих коллег, которые делали карьеру быстрее. Действительно, ему нелегко далось его место в жизни. Он появился на свет 21 октября 1869 г. в родительском доме, расположенном в крошечном городке Клейтоне (штат Северная Каролина), в семье представителей низшего сословия белого Юга, где еще были живы классовые предрассудки довоенной эпохи¹⁸. Его отец, Джон Додд, был малограмотным фермером и вел, по сути, натуральное хозяйство. Мать, Эвелин Крич, происходила из семьи несколько более уважаемых членов общества Северной Каролины и считала свой брак неравным: по ее мнению, она вышла замуж за простолюдина. Чета выращивала хлопок на земле, выделенной отцом Эвелин, и едва сводила концы с концами. После войны Севера и Юга, когда производство хлопка начало быстро расти, а цены, соответственно, падать, семья все больше влезала в долги, делая покупки в местном универсальном магазине, принадлежавшем родственнику Эвелин, одному из трех привилегированных жителей Клейтона, «суровых мужчин», как называл их Додд, «торговцев, аристократов, полновластных хозяев тех, кто от них зависел»¹⁹.

Додд был одним из семерых детей в семье. Юность он провел, трудясь на семейной земле. Он не считал это занятие зазорным, но не собирался заниматься сельским хозяйством до конца своих дней. Он понимал, что единственная возможность для человека столь низкого происхождения избежать этой участи – получить образование. Он прилагал огромные усилия, чтобы пробиться выше, временами настолько погружаясь в учебу, что товарищи прозвали его монахом²⁰. В феврале 1891 г. Додд поступил в Сельскохозяйственный и механический колледж Вирджинии (позже получивший название Политехнического университета Вирджинии). Там он тоже завоевал репутацию здравомыслящего, полностью поглощенного учебой молодого человека. Другие студенты вечно предавались всяким забавам – скажем, красили корову президента колледжа или якобы устраивали дуэли, а потом убеждали легковверных первокурсников,

---

¹⁶ Dodd to Lester S. Ries, Oct. 31, 1932, Box 39, W. E. Dodd Papers.

¹⁷ Dodd to Charles E. Merriam, Aug. 27, 1932, Box 39, W. E. Dodd Papers.

¹⁸ Имеется в виду эпоха до войны Севера и Юга (1861–1865).

¹⁹ Bailey, 6.

²⁰ Dallek, 6.

что один из дуэлянтов убит наповал²¹. А Додд только учился. В 1895 г. он получил степень бакалавра, в 1897 г. – магистра. Ему было 27 лет.

Поощряемый одним из уважаемых преподавателей университета и поддерживаемый кредитом, предоставленным добрым двоюродным дедом, в июне 1897 г. Додд отправился в Германию. Он планировал получить степень доктора в Лейпцигском университете. С собой он захватил велосипед. Он решил, что его диссертация будет посвящена Томасу Джефферсону. Несмотря на очевидные трудности (в Германии было непросто добыть американские документы XVIII в.), Додд выполнял все задания, входившие в университетскую программу, и в Лондоне и Берлине находил архивы, где хранились необходимые для диссертации материалы. Помимо этого, он много путешествовал (часто на велосипеде). Его каждый раз поражала атмосфера милитаризма, царившая в Германии. Как-то раз один из его любимых преподавателей даже устроил на занятиях дискуссию на тему «Насколько беспомощными окажутся Соединенные Штаты, если туда вторгнется великая немецкая армия?»²². Эта прусская воинственность тревожила Додда. Он писал: «Здесь повсюду слишком сильно ощущается дух войны»²³.

Поздней осенью 1899 г. Додд вернулся в Северную Каролину и после нескольких месяцев поисков наконец получил место преподавателя в колледже Рэндольфа и Мейкона²⁴ в вирджинском городке Эшланд²⁵. Тогда же он возобновил дружбу с девушкой – с Мартой Джонс, дочерью обеспеченного землевладельца, проживавшего недалеко от родного городка Додда. Эта дружба вскоре приобрела романтический характер, и в канун Рождества 1901 г. молодые люди поженились.

В колледже Рэндольфа и Мейкона у нового преподавателя скоро начались неприятности. В 1902 г. он опубликовал в журнале *The Nation* статью с критикой успешной кампании, организованной так называемым Великим лагерем ветеранов Конфедерации с целью заставить власти Вирджинии запретить один учебник истории, который, по мнению ветеранов, оскорблял чувства южан. Как писал Додд, по их мнению, публиковать следовало лишь те исторические труды, в которых утверждалось, что Юг «правильно сделал, отделившись от Союза»²⁶.

Реакция последовала незамедлительно. Один адвокат, игравший заметную роль в ветеранском движении, организовал публичные нападки на Додда, чтобы добиться его увольнения из колледжа. Но руководство учебного заведения твердо выступило в его защиту и оказало ему всестороннюю поддержку. Год спустя Додд снова обрушился с критикой на ветеранов Конфедерации, на этот раз выступая в Американском историческом обществе. Он порицал их стремление «изъять из учебных заведений решительно все книги, не согласующиеся с канонами местного патриотизма» и гневно заявлял, что в такой ситуации «мужественный и честный человек не должен молчать».

Авторитет Додда как историка рос. Росла и его семья. В 1905 г. родился сын, в 1908 г. – дочь. Понимая, что не помешала бы прибавка к жалованью и что давление со стороны его врагов-южан едва ли ослабнет, Додд отправил заявление о приеме на работу в Чикагский университет, где открылась вакансия преподавателя. Он получил место, и в морозном январе 1909 г. (ему было тогда 39 лет) вместе с семьей перебрался в Чикаго, где ему предстояло прожить почти четверть века. В октябре 1912 г., чувствуя, что его тянет к корням, и желая доказать,

²¹ Там же, 9.

²² “Brief Note,” 6, Box 58, W. E. Dodd Papers.

²³ Там же, 7.

²⁴ Джон Рэндольф (1773–1833) и Натаниэль Мейкон (1757–1837) – американские политические деятели консервативного толка.

²⁵ Bailey, 35–36; Dallek, 31–32.

²⁶ Союз – федерация 24 штатов, в ходе войны Севера и Юга противостоявших южным штатам Конфедерации. В Союз входили не только северные штаты, но и некоторые западные (Калифорния, Орегон, Невада, а также несколько штатов Среднего Запада).

что он настоящий демократ джефферсоновского толка, Додд купил ферму, на которой вырос²⁷. Изнурительная работа, которая так изматывала его в юные годы, теперь была и целительной отдушной, и романтическим напоминанием о прошлом Америки.

Кроме того, Додд заметил, что его интерес к политической жизни не ослабевает²⁸. Этот интерес разгорелся с особой силой, когда в августе 1916 г. преподаватель вдруг оказался в Овальном кабинете Белого дома, куда его пригласили на встречу с президентом Вудро Вильсоном. Как пишет один из биографов Додда, эта встреча «в корне изменила его жизнь».

В ту пору Додда все сильнее тревожили признаки того, что Америка неуклонно движется к вступлению в Великую войну²⁹, которая шла тогда в Европе. Лейпцигские впечатления не оставляли никаких сомнений в том, что за развязывание войны несет ответственность лишь Германия, действовавшая в интересах промышленников и аристократов-юнкеров, которых Додд уподоблял представителям американской южной аристократии накануне войны Севера и Юга. Теперь он наблюдал зарождение такой же надменности и самонадеянности у промышленных воротил и представителей военных элит США. Когда один генерал попытался вовлечь Чикагский университет в национальную кампанию по подготовке страны к войне, Додд возмутился и направил жалобу непосредственно верховному главнокомандующему.

Додд предполагал, что Вильсон уделит ему лишь десять минут, но встреча продлилась гораздо дольше. Он вдруг понял, что совершенно очарован, словно его опоили волшебным зельем. Он быстро пришел к убеждению, что Вильсон прав, выступая за вмешательство США в войну. Для него этот человек был своего рода новым воплощением Джефферсона. На протяжении последующих семи лет они дружили; Додд даже написал биографию Вильсона. Когда 3 февраля 1924 г. Вильсона не стало, Додд глубоко скорбел.

В конце концов он решил, что Франклин Рузвельт ничуть не хуже Вильсона, и начал активно участвовать в предвыборной кампании 1932 г., при любой возможности поддерживая Рузвельта и в устных выступлениях, и в печати. Однако если он надеялся войти в ближний круг нового президента, то вскоре его ждало разочарование. Ему пришлось вернуться к преподавательским обязанностям, которые приносили ему все меньше удовлетворения.

К тому времени Додду исполнилось 64 года, и он полагал, что оставит след в мире именно благодаря своей работе по истории Старого Юга. Но, казалось, все силы вселенной (включая университетское начальство, повадившееся по воскресеньям выключать отопление) сговорились, чтобы помешать ему закончить книгу.

Додд все чаще помышлял о том, чтобы уйти из университета и найти работу, на которой у него будет время, чтобы писать, – «пока не поздно»³⁰. Ему пришло в голову, что идеальным вариантом была бы какая-нибудь необременительная служба в Госдепартаменте – скажем, на посту посла в Брюсселе или Гааге. Он полагал, что занимает достаточно видное положение, чтобы его можно было считать достойным кандидатом на такой пост, хотя склонен был сильно

---

²⁷ Dallek, 70; Dodd to Mrs. Dodd, March 26, 1930, Box 2, Martha Dodd Papers. В этом письме, написанном погожим вечером во время пребывания на ферме, Додд сообщает жене: «Я сижу за столом в столовой, в будничной одежде, на мне старый красный свитер и шлепанцы, в камине горит огромное дубовое полено, под которым слой горячих углей три дюйма высотой, покрытых белой золой. Старые андироны («каминные огненные собаки», как мы их называли, когда я был мальчишкой*) словно любят свою работу, откинув назад массивные черные головы. Старинный камин красного кирпича исполнен такого же чувства собственного достоинства, как Джордж Вашингтон и весь XVIII в., – век, в котором людям хватало времени на то, чтобы сохранять достоинство».* Андирон, или файрдог (от англ. fire dog – букв. огненная собака), – железная подставка для дров в камине.

²⁸ Bailey, 97–99; Dallek, 88–89.

²⁹ Так в то время называли Первую мировую войну.

³⁰ Dodd to William Dodd, Jr., Dec. 9, 1932, Box 39, W. E. Dodd Papers.

переоценивать свое влияние на внутреннюю политику государства. Он часто писал Рузвельту, давая ему советы по экономическим и политическим вопросам, – и до победы последнего в президентской гонке, и сразу после того, как тот стал главой государства. Додд наверняка испытал сильное разочарование, когда вскоре после выборов получил из Белого дома официальное послание, в котором сообщалось, что, хотя президент был бы рад лично отвечать на все письма, он не может себе этого позволить и поэтому возлагает эту обязанность на своего секретаря.

Впрочем, в окружении Рузвельта у Додда было несколько довольно близких друзей. В их число входил Дэниел Ропер, новый министр торговли. Дети Додда, по сути, были для Ропера как племянник и племянница, так что Додд смело направил к нему в качестве посредника сына, чтобы тот узнал, не считает ли новая администрация возможным назначить Додда-старшего посланником в Бельгию или Нидерланды. «На эти должности так или иначе придется кого-то назначать, а нагрузка на них не слишком большая»³¹, – объяснял Додд сыну. Он признавался, что им движет главным образом желание завершить «Старый Юг»: «Не то чтобы я жаждал добиться от Рузвельта назначения, но я очень боюсь лишиться возможности завершить дело моей жизни».

Иными словами, Додду нужна была синекура, служба, не требующая особых усилий, но достаточно престижная и предполагающая сносное жалованье, а главное – массу свободного времени и возможность писать. Впрочем, он понимал, что по своему складу не совсем подходит для дипломатической службы. «Что касается высокой дипломатии (Лондон, Париж, Берлин), то там я не гожусь, – писал он жене в начале 1933 г. – Меня это огорчает: если бы дело обстояло иначе, тебе жилось бы лучше. Но я, увы, не обладаю изворотливостью и двуличием, которые совершенно необходимы, чтобы “лгать за границей во имя интересов своей страны”³². Будь я таким, я бы отправился в Берлин и преклонил колени перед Гитлером, а заодно освежил бы свой немецкий». Однако, добавлял он, «зачем тратить время, рассуждая на эту тему? Кому захочется жить в Берлине в ближайшие четыре года?»³³.

Неизвестно, что послужило тому причиной – беседа ли Уильяма-младшего с Ропером или действие иных сил, – но во властных кругах имя Додда вскоре начало упоминаться в связи с возможными дипломатическими назначениями. И вот 15 марта 1933 г., прервав очередную поездку на свою вирджинскую ферму, Додд отправился в Вашингтон, чтобы встретиться с Корделлом Халлом, новым госсекретарем Рузвельта, с которым он уже несколько раз пересекался по разным поводам. Халл был высокий седовласый мужчина³⁴. У него была массивная нижняя челюсть и ямочка на подбородке. Внешне он казался воплощением идеального министра иностранных дел, но те, кто знал его ближе, отлично понимали: если его как следует разозлить, он способен разразиться потоками самой недипломатичной брани. К тому же он сильно картавил – произносил «у» вместо «р», как персонаж мультиков Элмер Фадд³⁵. (Рузвельт в кругу друзей время от времени подшучивал над госсекретарем: так, однажды он упомянул о халловских «тогуговых договоуенностях».) На этой встрече с Доддом у Халла, как обычно, из кармана

³¹ Там же.

³² Отсылка к известному высказыванию Генри Уоттона (1568–1639), английского дипломата, политика и литератора: «Посланник – честный человек, коего отправляют за границу лгать во имя интересов своей страны».

³³ Dodd to Mrs. Dodd, March 25, 1933, Box 40, W. E. Dodd Papers.

³⁴ Messersmith, “Cordell Hull and my personal relationships with him,” 7, unpublished memoir, Messersmith Papers. Мессерсмит пишет: «Когда я услышал столь крепкие выражения из уст этого человека, похожего на святого и во многих отношениях действительно являющегося таковым, я буквально открыл рот от удивления». См. также: Graebner, 193; Weil, 76–77, 87; и, конечно, мемуары самого Халла (Hull, *Memoirs*). Вот один из известных афоризмов Халла (высказывание о Гитлере и его союзниках на фоне надвигающейся войны): «Соревнуйся в длине струи со скунсом, позаботьтесь о том, чтобы у вас было побольше мочи» (Weil, 77).

³⁵ Элмер Фадд – один из главных персонажей знаменитого анимационного сериала Looney Tunes («Безумные мотивы»), отличавшийся характерной картавостью.

рубашки торчали несколько красных карандашей, служивших его излюбленным инструментом государственного управления. Он сказал о возможности назначения Додда в Нидерланды или Бельгию. Именно на такое назначение и надеялся Додд, но теперь, представив себе повседневные реалии новой жизни, засомневался. «Тщательно рассмотрев ситуацию, – написал Додд в карманном дневнике, – я сказал Халлу, что не могу согласиться на эту должность»³⁶.

Однако его имя продолжало звучать в высших эшелонах власти.

Наконец в июне, в четверг, раздался телефонный звонок. Поднеся трубку к уху, Додд услышал голос, который сразу узнал.

Глава 2 Вакансия в Берлине

Никто не хотел занимать этот пост³⁷. Задача, поначалу казавшаяся новому президенту США Рузвельту одной из самых простых, к июню 1933 г. стала почти невыполнимой. Казалось бы, пост посла в Берлине должен был считаться весьма привлекательным: конечно, не Лондон и не Париж, но все же одна из главных европейских столиц, расположенная в центре страны, где под руководством недавно назначенного канцлером Адольфа Гитлера осуществляются поистине революционные преобразования. В тот период Германия переживала великое возрождение (или погружение в жесточайший мрак, это с какой стороны посмотреть). После восхождения Гитлера к вершинам власти страна корчилась в болезненном спазме поощряемого государством насилия. Гитлеровская военизированная организация – *Sturmabteilung*, или СА (штурмовые отряды коричневорубашечников), – буквально сорвалась с цепи. Штурмовики арестовывали, избивали, а иногда и убивали коммунистов, социалистов и евреев. В подвалах, сараях и других помещениях коричневорубашечники устраивали импровизированные тюрьмы и пыточные камеры. В одном только Берлине насчитывалось около 50 так называемых бункеров. К десяткам тысяч людей применялся так называемый защитный арест (*Schutzhaft*) – до смешного прозрачный эвфемизм для обозначения ареста без суда и следствия. По некоторым оценкам, в заключении погибли от 500 до 700 арестованных. Как отмечалось в показаниях одного свидетеля, зафиксированных полицией, для некоторых арестованных устраивали инсценировки казней через утопление или повешение. Самую печальную известность приобрела тюрьма близ аэропорта Темпельхоф – «Колумбия-хаус» (не путать с «Колумбус-хаус», прекрасным зданием в стиле модерн в центре Берлина). Наблюдая за этими социальными потрясениями, один из лидеров еврейских общин, нью-йоркский раввин Стивен Уайз, сказал своему другу, что Германия «перешла границы цивилизованности».

Первую попытку назначить кого-то послом в Берлин Рузвельт предпринял еще 9 марта 1933 г., менее чем через неделю после вступления в должность. Как раз тогда насилие в Германии достигло, казалось, максимального уровня жестокости. Президент предложил пост посла Джеймсу Коксу (когда в 1920 г. тот баллотировался на президентский пост, Рузвельт был кандидатом на должность вице-президента).

В письме, так и сочащемся лестью, Рузвельт писал: «Не только в силу симпатии к вам, но и потому, что считаю вас самой подходящей фигурой для этой ключевой должности, я весьма желал бы направить на утверждение сената именно вашу кандидатуру на пост посла США в Германии. Очень надеюсь, что вы примете предложение, обсудив его с вашей очаровательной

---

³⁶ Dodd, pocket diary, March 2, 1933, Box 58, W. E. Dodd Papers.

³⁷ Noakes and Pridham, 180; Rürup, 84–86; Wheaton, 428; Ladd, 123; Evans, *Power*, 11; Stackelberg and Winkle, 132; Wise, *Servant*, 177.

супругой, которая, кстати, была бы идеальной хозяйкой посольства. Прошу вас, отправьте мне телеграмму с одним словом: “Да”»³⁸.

Но Кокс ответил «нет»: различные деловые интересы (в частности, он владел несколькими газетами) вынудили его отказаться от предложения³⁹. В своем ответе он не упомянул о волне насилия, захлестнувшей Германию.

Рузвельт на время отложил этот вопрос, чтобы заняться терзавшим страну экономическим кризисом – Великой депрессией, которая к той весне лишила рабочих мест треть трудоспособного населения США (не считая занятых в сельском хозяйстве) и вдвое снизила показатель валового национального продукта⁴⁰. Президент вернулся к проблеме лишь спустя месяц (а возможно, даже позже); тогда он предложил пост посла Ньютону Бейкеру, который при Вудро Вильсоне был министром обороны, а потом стал партнером в одной кливлендской юридической фирме. Но Бейкер тоже отказался. Отказался и третий кандидат – видный предприниматель Оуэн Янг. Рузвельт попробовал обратиться к Эдварду Флинну, одному из ключевых деятелей Демократической партии, который оказывал ему серьезную поддержку. Флинн обсудил предложение с женой и сообщил: «Мы сошлись на том, что, поскольку у нас маленькие дети, согласиться на такое назначение не можем».

В ходе поисков Рузвельт как-то шутливо заметил одному представителю семейства Варбург⁴¹:

– Знаете, Джимми, а ведь я мог бы направить послом в Берлин еврея. Как вам эта должность?⁴²

Наступил июнь. Сроки поджимали. Рузвельт втянулся во всепоглощающую борьбу за проведение своего Закона о восстановлении национальной промышленности⁴³ – краеугольного камня его «Нового курса». Он столкнулся с яростным сопротивлением, вдохновляемым группой влиятельных республиканцев⁴⁴. В начале месяца, за несколько дней до ухода конгресса на летние каникулы, создалось впечатление, что законопроект вот-вот будет принят, хотя он по-прежнему подвергался нападкам со стороны республиканцев и даже некоторых демократов (противники закона выпускали целые «залпы» поправок, вынуждая сенаторов проводить нескончаемые заседания). Рузвельт опасался, что если баталии затянутся, закон либо не пройдет, либо окажется выхолощенным. Отчасти это было связано с тем, что вынужденное продление сессии могло вызывать недовольство законодателей, стремящихся как можно скорее вырваться из Вашингтона на летний отдых. В стране стояла небывалая жара, температура воздуха достигала рекордных отметок, от зноя погибли более 100 человек. Вашингтон исходил паром, люди обливались потом. Заголовок на первой полосе *The New York Times*, растянувшийся аж на три колонки, гласил: «Рузвельт сокращает программу заседаний, чтобы быстрее завершить сессию: он видит, что его политика под угрозой»⁴⁵.

В этом и была загвоздка: конгресс должен был утвердить кандидатуру и оклад нового посла. И чем ближе были летние каникулы, тем сильнее Рузвельт испытывал давление, свя-

³⁸ Roosevelt, *Personal Letters*, 337–338.

³⁹ Там же, 338.

⁴⁰ Dallek, 187–189; Flynn, 148.

⁴¹ Варбурги – семейство банкиров, представители которого проживали в США, Германии и других странах.

⁴² Warburg, 124.

⁴³ Закон о восстановлении национальной промышленности (National Industrial Recovery Act of 1933) был принят в США в 1933 г. в рамках «Нового курса» Рузвельта, нацеленного на преодоление Великой депрессии и восстановление экономики США. – *Прим. ред.*

⁴⁴ Закон о восстановлении национальной промышленности 1933 г., как и «Новый курс» в целом, жестко критиковали как консерваторы, так и представители левых кругов. Республиканцы, в частности, считали масштабные экономические и социальные реформы, в том числе отказ от принципа невмешательства государства в экономику, нарушением традиционных американских свобод. – *Прим. ред.*

⁴⁵ *The New York Times*, June 8, 1933.

занное с необходимостью выбрать нового представителя США в Берлине. В итоге ему пришлось рассматривать кандидатуры, находящиеся за пределами круга его привычных протезе⁴⁶. Среди таких кандидатур были президенты по меньшей мере трех колледжей и рьяный пацифист Гарри Эмерсон Фосдик, пастор баптистской Риверсайдской церкви на Манхэттене. Впрочем, никто из этих людей не казался ему идеальным кандидатом, и никому из них он так и не предложил должность.

7 июня, в среду, за несколько дней до ухода конгрессменов в летние отпуска, Рузвельт встретился с ближайшими советниками и сообщил, что ему, как это ни досадно, никак не удастся найти нового посла⁴⁷. Среди присутствовавших был уже знакомый нам министр торговли Дэниел Ропер, которого Рузвельт иногда называл Дядюшка Дэн.

Ропер немного поразмыслил и вбросил в разговор свежее имя – имя своего старого друга. Он спросил:

– А как насчет Уильяма Додда?

– Неплохая идея, – одобрил Рузвельт.

Впрочем, неизвестно, действительно ли он тогда так считал. Рузвельт, отличавшийся приветливостью и учтивостью, нередко давал обещания, которые обязательно намеревался выполнять.

Президент добавил:

– Я подумаю.

Додд был полной противоположностью типичного кандидата на дипломатический пост. Он не был богат. Он не обладал политическим влиянием. Он не принадлежал к числу друзей Рузвельта. Но он как-никак говорил по-немецки, к тому же считалось, что хорошо знает Германию. Некоторую трудность могли представлять его былые связи с Вудро Вильсоном, чья убежденность в необходимости тесного взаимодействия с зарубежными государствами шла вразрез с представлениями растущего лагеря тех американцев, которые считали, что Соединенные Штаты не должны вмешиваться в дела других государств. Эти так называемые изоляционисты, возглавляемые Уильямом Бора из Айдахо и Хайрамом Джонсоном из Калифорнии⁴⁸, становились все более заметной и влиятельной силой. Как показывали социологические опросы, 95 % американцев не хотели, чтобы США воевали за океаном⁴⁹. И хотя сам Рузвельт был сторонником активного участия страны в международных делах, он старался не афишировать свои взгляды на этот вопрос, чтобы они не помешали продвигать повестку, касающуюся дел внутренних. Впрочем, вероятность того, что кандидатура Додда вызовет нездоровое возбуждение изоляционистов, казалась невысокой. Это был историк, человек здравомыслящий и спокойный, и о Германии он знал не понаслышке, что было весьма кстати.

Кроме того, Берлин тогда еще не являлся тем аванпостом политической борьбы, которым ему суждено было стать в ближайшее время. В тот период вообще господствовало представление, что гитлеровское правительство долго не продержится. Военная мощь Германии была невелика: численность личного состава регулярной армии, рейхсвера, составляла 100 000 человек, а это не шло ни в какое сравнение с численностью личного состава вооруженных сил соседней Франции, не говоря уж об общей численности войск Франции, Великобритании, Польши и

---

⁴⁶ Dallek, 187.

⁴⁷ Там же, 189.

⁴⁸ Уильям Бора (1865–1940) – сенатор от штата Айдахо (1907–1940); Хайрам Джонсон (1866–1945) – губернатор Калифорнии в 1911–1917 гг., сенатор от того же штата в 1917–1945 гг.; видные деятели Республиканской партии.

⁴⁹ Herzstein, 77.

Советского Союза. Да и самого Гитлера начинали воспринимать как более умеренного деятеля по сравнению с оценкой, которую ему можно было бы дать ранее, наблюдая за волной насилия, прокатившейся по Германии. Так, 10 мая 1933 г. нацистская партия устроила сожжение множества «нежелательных» книг (Эйнштейна, Фрейда, Томаса и Генриха Маннов и многих других авторов). Огромные костры полыхали по всей Германии, но уже через неделю Гитлер заявил о своей приверженности идеалам мира и даже поклялся, что страна готова согласиться на полное разоружение, – при условии, что ее примеру последуют другие государства. Мир вздохнул с облегчением. На фоне трудностей, с которыми столкнулся Рузвельт (глобальный экономический кризис, еще один год губительной засухи), Германия представлялась лишь незначительным фактором, негативно влияющим на международные отношения, не более того. Главной проблемой, связанной с этой страной, Рузвельт и госсекретарь Халл считали ее долг американским кредиторам в размере \$1,2 млрд. Судя по всему, гитлеровский режим не спешил его возвращать.

Похоже, никто особенно не задумывался о том, какими качествами должен был обладать представитель США в Германии, способный эффективно взаимодействовать с гитлеровским правительством. Но министр торговли Ропер уверял, что «Додд способен добросовестно и разумно выполнять дипломатические обязанности, а если обстановка на переговорах станет слишком напряженной, сумеет разрядить атмосферу, процитировав Джефферсона»⁵⁰.

Как оказалось, Рузвельт отнесся к предложению Ропера серьезно.

Время поджимало, президенту нужно было решать значительно более срочные проблемы: страна все глубже погружалась в пучину экономического кризиса.

На следующий же день, 8 июня, Рузвельт велел соединить его с Чикаго.

Во время разговора он был краток. Он объявил Додду:

– Я желал бы знать, готовы ли вы оказать нашему государству услугу. Я собираюсь направить вас в Германию в качестве посла⁵¹.

И добавил:

– Я хочу, чтобы в Германии работал либерал. Это станет хорошим примером для немцев.

В Овальном кабинете было жарко. Как и в кабинете Додда. Температура воздуха в Чикаго перевалила за 30 °С.

Додд ответил Рузвельту, что ему требуется время, – подумать, посоветоваться с женой.

Рузвельт дал ему два часа⁵².

Первым делом Додд обсудил предложение с администрацией университета, которая настоятельно рекомендовала ему согласиться. Потом отправился домой. Несмотря на усиливающуюся жару, шагал он быстро.

Им овладевали дурные предчувствия. Его приоритетом был «Старый Юг». Служба на посту посла в гитлеровской Германии не позволит ему выкраивать больше времени на книгу. Скорее всего, времени будет значительно меньше. Университетские обязанности казались менее обременительными.

---

⁵⁰ Roper, 335.

⁵¹ Dodd, *Diary*, 3.

⁵² Там же.

Его жена, Матти, соглашалась с этими доводами, но понимала, что муж нуждается в признании⁵³. Она знала: Додд считает, что заслуживает большего. Он, в свою очередь, считал себя в долгу перед женой. Все эти годы она поддерживала его, почти ничего не получая взамен (во всяком случае, так он думал). «Не существует поста, идеально подходящего для человека с таким мировоззрением, как мое, – писал он ей в письме с фермы несколько раньше в том же году. – И я очень об этом сожалею, потому что это плохо и для тебя, и для детей»⁵⁴. И добавлял: «Я знаю: такую верную и самоотверженную жену, как ты, должно сильно расстраивать то, что у нее такой необоротистый муж, как я, особенно в поворотный момент истории, – в тот момент, который он так давно предвидел, – муж, который не умеет приспособиться на высокую должность и пожинать хоть какие-то плоды кропотливой научной работы, которой он занимался всю жизнь. Что поделаешь – не повезло тебе с мужем».

После бурного обсуждения и небольшого сеанса домашней психотерапии Додд и Марта сошлись во мнении, что предложение Рузвельта следует принять. Этому решению способствовала одна уступка президента: если Чикагский университет «будет настаивать», Додд сможет вернуться в Чикаго уже в течение первого года. Но сейчас, заявил Рузвельт, ему нужно, чтобы Додд отправился в Берлин.

В половине третьего, через полчаса после истечения данного ему срока, кое-как подавив дурные предчувствия, Додд позвонил в Белый дом и сообщил секретарю Рузвельта: он согласен занять предлагаемый пост. Два дня спустя президент представил кандидатуру Додда на рассмотрение в сенат. В тот же день он получил одобрение сенаторов; ни личного присутствия Додда на заседании, ни промежуточных слушаний, которые в дальнейшем станут частью обычной процедуры при утверждении кандидатов на ключевые должности, не потребовалось. Пресса почти никак не откликнулась на назначение Додда; лишь в воскресенье, 11 июня, *The New York Times* поместила короткую заметку – на двенадцатой полосе.

Госсекретаря Халла (который был в Лондоне на важной конференции по экономике) вообще не спросили, что он думает о новом назначении. Даже если бы он присутствовал на той беседе в высших политических кругах, на которой впервые прозвучало имя Додда, с его мнением вряд ли посчитались бы, поскольку одна из особенностей складывавшегося стиля руководства Рузвельта заключалась в том, что он назначал людей на должности в различных ведомствах напрямую, через голову непосредственных руководителей. Такой подход сильно раздражал Халла⁵⁵. Впрочем, позже он уверял, что у него и не было возражений против назначения Додда, если не считать замеченной им склонности этого кандидата к «проявлению чрезмерного энтузиазма и порывистости, а также привычки отвлекаться на малозначимые вопросы, свойственной также нашему другу Уильяму Дженнингсу Брайану⁵⁶». Поэтому у него все-таки были «некоторые сомнения по поводу того, стоит ли посылать нашего доброго друга, пускай человека очень умного и способного, в такое опасное место, каким, как я знал, был и оставался Берлин»⁵⁷.

Впоследствии Эдвард Флинн, один из кандидатов, отказавшихся от должности посла, бесосновательно утверждал, что Рузвельт позвонил Додду по ошибке. На самом деле он хотел

---

⁵³ Mrs. Dodd to William Dodd Jr., April 19, 1933, Box 1, Martha Dodd Papers.

⁵⁴ Dodd to Mrs. Dodd, March 25, 1933, Box 40, W. E. Dodd Papers.

⁵⁵ Messersmith, "Cordell Hull and My Personal Relationships," 17, unpublished memoir, Messersmith Papers. Мессерсмит пишет: «Как государственный секретарь, именно он должен был решать, кто возглавит дипломатическое представительство и займет в нем второстепенные посты». Вместо этого, отмечает автор воспоминаний, Халл самоустранился, предоставив Рузвельту полную свободу действий: «Некоторым из нас всегда казалось, что кое-каких довольно неудачных назначений, сделанных в бытность мистера Халла госсекретарем, можно было бы избежать, если бы ими занимался непосредственно мистер Халл».

⁵⁶ Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925) – американский политик и государственный деятель, госсекретарь США в 1913–1915 гг.

⁵⁷ Hull, *Memoirs*, 182.

предложить место посла бывшему профессору права из Йельского университета Уолтеру Додду. Из-за слухов об этой ошибке нового посла начали называть «Додд из телефонного справочника»⁵⁸.

Додд предложил сыну и дочери, Биллу и Марте, отправиться вместе с ним в Берлин. Он пообещал, что впечатления от поездки они не забудут до конца жизни. Кроме того, в этом приключении он видел возможность в последний раз собрать семью вместе. «Старый Юг» был чрезвычайно важен для него, но важнее всего была семья, домашний очаг; без них он жить не мог. Однажды холодным декабрьским вечером, незадолго до Рождества, Додд, сидя в одиночестве на своей ферме (жена с дочерью были в Париже, где Марта-младшая проходила годичный курс обучения; Билл тоже отсутствовал), решил написать дочери письмо. В тот вечер им овладела грусть. Он знал, что взрослые дети скоро отправятся в самостоятельный путь и что их связь с родителями неизбежно ослабеет. К тому же ему казалось, что жизнь подходит к концу, а «Старый Юг» был еще далек от завершения.

Додд писал: «Мое дорогое дитя, – надеюсь, ты не обидишься на меня за то, что я так тебя называю, – ты так дорога мне, твоё счастье в этой беспокойной жизни так важно для моего сердца, что я ни на миг не перестаю думать о тебе как о веселом, никогда не взрослеющем ребенке. Но я прекрасно знаю, сколько тебе лет, и восхищаюсь твоим умом и зрелостью. Ты больше не ребенок»⁵⁹. Далее он излагал свои размышления о «путях, которые нам предстоит пройти». «Твой путь лишь начинается, – писал он, – а по своему пути я шел уже так долго, что начинаю считать друзей, отбывающих в мир теней: одни ушли, положение других столь зыбко! У тебя – май, у меня – почти декабрь». Семейный дом, писал он, «всегда был главной радостью моей жизни». Но теперь семья рассеялась по свету. «Мне просто невыносима мысль о том, что мы движемся в разных направлениях, а ведь осталось так мало времени».

Предложение Рузвельта открывало возможность снова собрать семью вместе, пусть и ненадолго.

Глава 3 Выбор марты

В Америке был экономический кризис, и к предложению Рузвельта следовало отнестись серьезно. Прежде чем его принять, нужно было тщательно все обдумать. Марте-младшей и Биллу повезло – у них была работа. Марта трудилась помощником литературного редактора в *Chicago Tribune*, Билл был учителем истории и готовился к научной карьере. Правда, пока он делал это без особого рвения, что огорчало и беспокоило отца. В нескольких письмах жене, отправленных в апреле 1933 г., Додд писал, что тревожится за Билла: «Уильям – отличный учитель, но его страшит любой тяжелый труд»⁶⁰. Он слишком легко отвлекается, писал Додд, особенно если поблизости есть автомобиль. «Если мы хотим помочь ему продвигаться вперед в его изысканиях, – писал Додд, – в Чикаго нам ни в коем случае не следует обзаводиться автомобилем. Само наличие в непосредственной близости средства передвижения с колесами – чересчур сильное искушение для него»⁶¹.

---

⁵⁸ Flynn, 148. См. также: Martha Dodd to Flynn, Oct. 17, 1947; *The New York Times*, Nov. 2, 1947; *The New York Herald Tribune*, Nov. 9, 1947, все это – в Box 13, Martha Dodd Papers.

⁵⁹ Dodd to Martha, Dec. 16, 1928, Box 2, Martha Dodd Papers.

⁶⁰ Dodd to Mrs. Dodd, April 20, 1933, Box 2, Martha Dodd Papers.

⁶¹ Dodd to Mrs. Dodd and Martha Dodd, April 13, 1933, Box 2, Martha Dodd Papers.

Марта, к большой радости Додда, добивалась на работе значительно больших успехов, но его беспокоила бурная личная жизнь дочери. Хотя Додд очень любил обоих детей, именно Марта была для него предметом великой гордости. (Согласно семейным бумагам, ее первым словом было «папа»⁶².) Сейчас это была голубоглазая блондинка ростом около 160 см, с очаровательной улыбкой. Она обладала романтическим воображением и кокетливым нравом, что воспламеняло страсть во многих мужчинах – молодых и не очень.

Как только ей исполнился 21 год, она немедленно (в апреле 1930 г.) обручилась с профессором английского языка и литературы, преподававшим в Университете Огайо, – Ройалом Сноу⁶³. Уже к июню помолвка была расторгнута. Потом была короткая интрижка с романистом Уолтером Лесли Ривером, чья книга «Смерть молодого человека» вышла за несколько лет до этого. В письмах, написанных невероятно длинными предложениями (не текст, а какие-то нагромождения букв; одно предложение занимало аж 74 строки машинописного текста, напечатанного через один интервал; в то время подобные тексты еще могли сойти за экспериментальную прозу), он называл Марту Мотси и пылко клялся ей в любви. «Мне ничего не нужно от жизни, кроме тебя, – писал Ривер, – я хочу быть с тобой всегда, работать и писать для тебя, жить там, где ты пожелаешь жить, ничего и никого не любить, кроме тебя, любить тебя с земной страстью, но и с неземными элементами более возвышенной, духовной любви...»⁶⁴ И так далее и тому подобное.

Впрочем, его желание не осуществилось. Марта увлеклась другим – Джеймсом Барнемом из Чикаго, писавшим ей о «поцелуях легких и нежных, как прикосновение цветочного лепестка»⁶⁵. Они обручились. Казалось, на этот раз Марта готова довести дело до конца, но тут ее представления о будущем браке снова перевернулись с ног на голову. Родители как-то устроили званый вечер в своем доме на Блэкстоун-авеню. В числе приглашенных был Джордж Бассет Робертс, ветеран Великой войны, теперь занимавший пост вице-президента одного нью-йоркского банка. Друзья называли его Бассет. Он жил вместе с родителями в Ларчмонте, одном из северных пригородов Нью-Йорка. Это был высокий, привлекательный мужчина, с чувственными губами. Одна газета восхищенно писала о его повышении по службе: «Его лицо чисто выбрито. Голос негромкий. Речь неспешна. <...> Он совершенно не похож ни на классического бездушного банкира, ни на человека, сохнувшего над цифрами»⁶⁶.

Сначала, пока банкир стоял среди прочих гостей, он не показался Марте особенно привлекательным, но позже, когда он оказался в одиночестве, она подошла к нему и была «сражена наповал», как потом сама ему писала: «Я испытала и боль, и сладость, словно от раны, нанесенной волшебной стрелой, когда увидела тебя как бы заново, стоящим в холле нашего дома в стороне от других гостей. Звучит смешно, но это и правда было так; это был единственный раз, когда мне довелось испытать любовь с первого взгляда»⁶⁷.

На Бассета встреча с Мартой произвела такое же впечатление, и у них начался роман на расстоянии, страстный и бурный. Впрочем, развивался он не только на расстоянии. В письме от 19 сентября 1931 г. Бассет восхищался: «Как весело было сегодня днем в бассейне – и как ты была мила со мной, когда я снял купальный костюм!»⁶⁸ И несколькими строками ниже: «О

⁶² “Baby Book,” 1908-c. 1916, Box 1, Martha Dodd Papers.

⁶³ *Chicago Daily Tribune*, April 25, 1930.

⁶⁴ W. L. River to Martha Dodd, c. 1927, Box 8, Martha Dodd Papers.

⁶⁵ James Burnham to Martha Dodd, n.d., Box 4, Martha Dodd Papers.

⁶⁶ *Cincinnati Times-Star*, n.d. (предположительно, Jan. 13, 1932), Box 8, Martha Dodd Papers.

⁶⁷ Martha to Bassett, Feb. 19, 1931, Box 8, Martha Dodd Papers.

⁶⁸ Bassett to Martha, Sept. 19, 1931, Box 8, Martha Dodd Papers. Мне очень нравятся эти письма – прежде всего потому, что многие из них написаны в стиле Джимми Стюарта*. В данном письме Бассет использует обращение «беллссима миа». Далее следует: «Утром получил от тебя роскошнейшее любовное письмо». А я в свою очередь роскошнейшим образом провел время, читая эти послания. Как выразился бы тот же Бассет, «да, уж будьте уверены».* Джеймс (Джимми) Стюарт (1906–1997) – американский киноактер, сыгравший множество ролей «маленьких людей» и отметившийся во множестве жанров, от

боги, что за женщина, что за женщина!» По выражению Марты, он «дефлорировал» ее. Он называл ее «красоткой» и, на итальянский манер, «беллиссима миа».

Но его поведение озадачивало ее. Он вел себя не так, как другие взрослые мужчины. «Никогда, ни до этого, ни после, я не любила и не была любима так сильно, хотя другие делали мне предложение спустя недолгое время после знакомства! – писала она ему годы спустя. – Меня это глубоко ранило, так что, похоже, мое древо любви обвивала горькая полынь!»⁶⁹ Она первая предложила вступить в брак, но он колебался. Она хитроумно маневрировала. Она не разорвала помолвку с Барнемом, что, разумеется, вызывало у Бассета ревность. «Либо ты меня любишь, либо нет, – писал он ей из Ларчмонта, – а если любишь и способна рассуждать здраво, то не можешь выйти за другого»⁷⁰.

В конце концов они утомили друг друга упреками и наконец поженились – в марте 1932 г. Но уверенности в прочности брака не было; они решили сохранить его в секрете даже от друзей. «Я любила отчаянно, я долго пыталась заполучить тебя, но едва я этого добилась, любовь иссякла, – быть может, из-за всех этих изнурительных усилий», – писала ему Марта⁷¹. К тому же на следующий день после свадьбы Бассет совершил роковой промах. Мало того, что ему пришлось уехать в Нью-Йорк на работу, в банк, но он еще и не позаботился о том, чтобы в такой день прислать Марте цветы⁷². «Глупая» ошибка, как Марта оценивала ее позже, но явно указывавшая на серьезную проблему. Вскоре Бассет отправился в Женеву на международную конференцию по золоту и допустил еще один промах такого же рода: он не позвонил жене перед отъездом, чтобы «показать, что его хоть немного волнует наш брак и предстоящая разлука», как писала Марта⁷³.

В первый год брака они жили врозь, лишь ненадолго встречаясь в Нью-Йорке или Чикаго. Физическая разделенность усиливала давление, которому подвергались их отношения. Позже она признавалась, что ей следовало переехать к нему в Нью-Йорк, а поездку в Женеву превратить в медовый месяц, как, собственно, и предлагал Бассет⁷⁴. Но даже тогда ее муж, видимо, был не слишком уверен в перспективах брачного союза. Во время одного телефонного разговора он даже открыто высказал свои сомнения: может быть, их брак – ошибка? «Я восприняла это как вызов», – писала Марта⁷⁵. К тому времени она уже вовсю «флиртowała», по ее выражению, с другими мужчинами и закрутила роман с Карлом Сэндбергом, старым другом родителей, которого знала еще 15-летней девочкой⁷⁶. Тот отправлял ей черновики своих стихотворений, написанных на крошечных листках тонкой бумаги необычной формы. Он прислал ей два локона своих светлых волос, перевязанных грубой черной ниткой, какой обычно пришивают пуговицы к пальто, а в одном послании провозглашал, забывая о знаках препинания: «Я люблю тебя так что не опишешь словами моя любовь яростна как боевой клич индейцев Шенандоа⁷⁷ и

комедий и мелодрам до триллеров и вестернов.

⁶⁹ Martha to Bassett, Nov. 1 («примерно 1 ноября», как указала Марта), 1971, Box 8, Martha Dodd Papers.

⁷⁰ Bassett to Martha, Feb. 21, 1932, Box 8, Martha Dodd Papers. К этому моменту отношения между Мартой и Бассетом стали немного напряженными. Бассет обращается к ней вполне нейтрально: «Дражайшая Марта». Дни, когда он называл ее «беллиссима миа», миновали. Три дня спустя (Bassett to Martha, Feb. 24, 1932) он предпринял еще одну попытку: «Ты же не можешь считать, что обязана выйти замуж за человека, которого не любишь, лишь из-за опрометчивого обещания, притом что мы оба знаем, как глубоко и неразрывно связаны друг с другом». Это письмо он начинает с обращения «Дражайшая из женщин». Вместо обратного адреса стоит просто «Банк». Честное слово, нам, мужчинам, порой так не хватает чуткости.

⁷¹ Martha to Bassett, Feb. 19, 1976, Box 8, Martha Dodd Papers.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Martha to Bassett, Nov. 1, 1976, Box 8, Martha Dodd Papers.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Имеется в виду долина реки Шенандоа (на севере современного штата Вирджиния), где ранее жили индейцы племени сенедо.

нежна как едва различимый шепот теплого летнего дождя»⁷⁸. Марта намеками сообщала Бассету о своих увлечениях, стараясь, однако, поведать достаточно, чтобы заставить его страдать. Позже она признавалась ему: «Я тогда проводила время, зализывая раны, и хотела делать тебе больно, рассказывая о Сэндберге и других»⁷⁹.

Наконец, все силы, враждебные их браку, объединились, собравшись над газоном у дома Доддов на Блэкстоун-авеню. «А знаешь, почему из нашего брака так ничего и не вышло? – писала Марта. – Потому что я была слишком молода и незрела, хотя мне было 23 года, и мне просто не хотелось расставаться с родителями! У меня чуть не разорвалось сердце, когда однажды, вскоре после того, как мы поженились, отец, который возился с чем-то на газоне перед домом, сказал мне: “Итак, моя дорогая маленькая девочка хочет покинуть своего старого отца”»⁸⁰.

А теперь, в разгар треволнений, связанных с личной жизнью, отец предложил ей отправиться вместе с ним в Берлин. Внезапно Марта оказалась перед выбором: Бассет с его банком, неизбежный дом в Ларчмонте, дети, газон – или отец, и Берлин, и... кто знает, что еще?

Она не смогла устоять перед соблазном и приняла предложение отца. Позже она скажет Бассету:

– Я не могла поступить иначе, выбирая между путешествием с отцом за океан и тобой⁸¹.

Глава 4 Страхи и сомнения

На следующей неделе Додд на поезде отправился в Вашингтон и 16 июня, в пятницу, прибыл к Рузвельту на ланч. Два подноса с едой поставили прямо на рабочий стол президента.

Жизнерадостно улыбаясь, Рузвельт с явным удовольствием начал вспоминать недавний визит в Вашингтон главы немецкого Рейхсбанка Ялмара Шахта, в чьей власти было решить, будет ли Германия возвращать долг американским кредиторам⁸². Президент рассказал, на какие ухищрения велел пуститься госсекретарю Халлу, чтобы сбить спесь с Шахта, известного своей надменностью. Предполагалось, что Шахта проведут в кабинет Халла, где ему некоторое время придется простоять перед столом госсекретаря. Халл должен был вести себя так, словно Шахта нет в помещении, и «притворяться, что он полностью поглощен поисками каких-то документов; Шахт должен был простоять перед госсекретарем целых три минуты, как бы оставаясь незамеченным», как вспоминал об этой истории Додд. В конце концов Халл должен был якобы найти искомую бумагу – записку Рузвельта, жестко осуждавшую любые попытки Германии отказаться от выплаты долга. Лишь после этого госсекретарь должен был встать, поздороваться с Шахтом и вручить ему найденную записку. Рузвельт объяснил, что этот представление разыгрывалось, чтобы «немного сбить с немцев свойственную им спесь». Судя по всему, он считал, что план отлично сработал.

Затем президент перешел к тому, чего он ожидает от Додда. Он начал все с того же вопроса о немецком долге, проявив при этом некоторую непоследовательность. Он признал, что американские банкиры получали «баснословную», как он выразился, прибыль, ссужая деньгами немецкие предприятия и города и продавая облигации американским гражданам.

– Но нашему народу полагается возмещение, и, хотя это, строго говоря, не дело государства, я хочу, чтобы вы сделали все возможное, чтобы предотвратить мораторий на выплату

---

⁷⁸ Carl Sandburg to Martha, n.d., Box 63, W. E. Dodd Papers.

⁷⁹ Martha to Bassett, Nov. 1, 1971, Box 8, Martha Dodd Papers. Марта обращается к Бассету «Мой дорогой Бывший».

⁸⁰ Martha to Bassett, Feb. 19, 1976, Box 8, Martha Dodd Papers.

⁸¹ Там же.

⁸² Dodd, *Diary*, 4–5.

долга, – напутствовал Додда Рузвельт. – Такой мораторий, скорее всего, замедлит восстановление нашей экономики⁸³.

Далее президент заговорил о проблеме, которую в то время все (во всяком случае, складывалось такое впечатление) называли «еврейской проблемой» или «еврейским вопросом».

Рузвельт ступал на зыбкую почву⁸⁴. Его ужасало обращение нацистов с евреями, и он прекрасно знал о волне насилия, прокатившейся по Германии в том году, однако воздерживался от какого-либо прямого официального заявления, осуждающего действия немцев. Некоторые еврейские лидеры – такие, как раввин Уайз, судья Ирвинг Леман, а также Льюис Штраус, партнер в Kuhn, Loeb & Company⁸⁵, – требовали, чтобы Рузвельт открыто высказался на этот счет. Другие – в частности, Феликс Варбург и судья Джозеф Проскауэр – выступали за более деликатный подход, настаивая, чтобы президент облегчил процедуру въезда евреев в Америку. Но Рузвельт не торопился идти ни по тому, ни по другому пути, и это многих возмущало. В ноябре 1933 г. Уайз будет писать о Рузвельте как о человеке «не только неизлечимо больном и лишенном возможности передвигаться, но и недоступном для евреев, даже для своих друзей, – за исключением тех, относительно которых он был твердо уверен: они не станут докучать ему еврейскими проблемами». Феликс Варбург указывал: «Ни одно из туманных обещаний президента пока не воплотилось в конкретные действия». Даже Феликс Франкфуртер, профессор права из Гарварда и близкий друг Рузвельта (тот позже выдвинет его кандидатуру на должность судьи Верховного суда), с горьким разочарованием замечал, что не может побудить президента к действию. Но Рузвельт понимал: за любое публичное осуждение нацистских гонений на евреев или за какие-либо ощутимые усилия, направленные на облегчение процедуры въезда евреев в Америку, с политической точки зрения придется, скорее всего, заплатить колоссальную цену. Дело в том, что американская политическая мысль с давних пор связывала еврейскую проблему с проблемой иммиграции. Считалось, что преследование евреев в Германии породит огромный приток еврейских беженцев, который захлестнет США в то время, когда страна и так шатается под натиском Великой депрессии. Американские изоляционисты указывали на еще один аспект проблемы, настаивая (как и гитлеровское правительство), что угнетение нацистами проживающих в Германии евреев – внутреннее дело Германии, а значит, оно совершенно не касается Америки.

Проблема вызвала глубокий раскол даже среди самих американских евреев⁸⁶. По одну сторону оказались представители Американского еврейского конгресса⁸⁷, призывавшие к различным формам протеста, в том числе массовым шествиям и бойкоту немецких товаров. Среди наиболее ярких лидеров этого движения был почетный президент организации раввин Уайз. В 1933 г. его все больше беспокоило, что Рузвельт упорно не хотел высказываться на эту тему прямо и открыто. Из Вашингтона, где он тщетно пытался добиться встречи с президентом, Уайз писал жене: «Если президент откажется [sic!] со мной встретиться, я вернусь и обрушу на него целую лавину призывов к действию, исходящих от еврейского сообщества.

---

⁸³ Там же, 5.

⁸⁴ Breitman and Kraut, 18, 92; Wise, *Servant*, 180; Chernow, 388; Urofsky, 271.

⁸⁵ Kuhn, Loeb & Company – американский инвестиционный банк.

⁸⁶ Urofsky, 256; Wise, *Challenging Years*, 238–239; Wise, *Servant*, 226.

⁸⁷ Американский еврейский конгресс (American Jewish Congress) – объединение американских евреев, созданное в 1918 г. для защиты интересов евреев в США и за рубежом посредством публичной политики, пропаганды, дипломатии, законодательства и судов. – *Прим. ред.*

У меня есть в запасе и другие методы. Возможно, так будет даже лучше, потому что я смогу высказываться свободно как никогда прежде. И я, да поможет мне Бог, буду бороться»⁸⁸.

Другую сторону представляли еврейские организации, поддерживавшие Американский еврейский комитет⁸⁹, возглавляемый судьей Проскауэром⁹⁰. Они выступали за более деликатный подход, опасаясь, что шумные протесты и бойкоты лишь ухудшат положение евреев, не успевших уехать из Германии. Эту точку зрения разделял, в частности, Лео Вормсер, адвокат-еврей из Чикаго. Он писал Додду: «Мы в Чикаго <...> решительно против программы мистера Сэмюэла Унтермейера⁹¹ и доктора Стивена Уайза, выступающих за организацию бойкота евреями немецких товаров». Вормсер пояснял, что эта мера может привести к ужесточению преследований евреев в Германии: «Мы знаем, что положение многих из них может стать еще более сложным». Он утверждал, что бойкот может «помешать усилиям наших друзей в Германии, старающихся занимать миролюбивую позицию, взывая к разуму и личным интересам гонителей» и подорвать возможность Германии соблюдать обязательства перед американскими держателями немецких облигаций. Адвокат опасался неприятных последствий меры, которая будет ассоциироваться исключительно с евреями. В письме он также указывал: «Нам представляется, что, если бойкот будет направляться (и освещаться в прессе) евреями, это лишь затемнит вопрос, который должен формулироваться не как “уцелеют ли евреи?”, а как “уцелеет ли свобода?”». Как пишет Рон Черноу в «Варбургах», «роковой раскол истошал силы “мирового еврейства”, хотя нацистская пресса утверждала, что оно управляется единой неумолимой волей»⁹².

Впрочем, оба лагеря уверенно сходились во мнении, что любая кампания, нацеленная на открытую поддержку еврейской иммиграции в Америку, может иметь катастрофические последствия. В начале июня 1933 г. раввин Уайз писал Феликсу Франкфуртеру (в то время – профессору права в Гарварде): если дискуссия об иммиграции будет вынесена на рассмотрение конгресса, это может «привести к настоящему взрыву, направленному против нас»⁹³. Действительно, антииммигрантские настроения в Америке еще в течение нескольких лет будут оставаться весьма сильными; так, согласно результатам опроса, проведенного в 1938 г. журналом *Fortune*, около двух третей респондентов выступали за то, чтобы не пускать беженцев в страну⁹⁴.

Да и внутри администрации Рузвельта наблюдались глубокие расхождения по данному вопросу⁹⁵. Министр труда Фрэнсис Перкинс (первая женщина-министр в истории США) энергично убеждала администрацию хоть как-то упростить процедуру въезда евреев в Америку. Министерство труда осуществляло общий контроль над иммиграционной политикой и практикой, однако не участвовало в принятии конкретных решений, касающихся выдачи виз. Эти решения принимались Госдепартаментом и консульствами, которые смотрели на проблему совершенно иначе. Кроме того, некоторые высокопоставленные чиновники Госдепа явно питали неприязнь к евреям.

⁸⁸ Wise, *Personal Letters*, 221.

⁸⁹ Американский еврейский комитет (American Jewish Committee) – еврейская правозащитная организация, созданная в 1906 г.; считалось, что в организации доминировали представители богатого немецко-еврейского истеблишмента. – *Прим. ред.*

⁹⁰ Chernow, 372–373; Leo Wormser to Dodd, Oct. 30, 1933, Box 43, W. E. Dodd Papers.

⁹¹ Сэмюэл Унтермейер (1858–1940) – американский адвокат еврейского происхождения, гражданский активист. В 1933 г. стал одним из основателей Независимой антинацистской лиги, главной целью которой было продвижение идеи экономического бойкота нацистской Германии.

⁹² Chernow, 373.

⁹³ Цит. по: Breitman and Kraut, 227.

⁹⁴ Там же, 230.

⁹⁵ Там же, 12–15.

Одним из таких чиновников был Уильям Филлипс, заместитель госсекретаря, второй человек в ведомстве после Халла. Жена Филлипса с детства дружила с супругой президента Элеонорой. Именно Рузвельт, а вовсе не Халл в свое время назначил Филлипса на пост заместителя госсекретаря. В дневнике Филлипс упоминал об одном деловом знакомом как о своем «маленьком еврейском дружке из Бостона»⁹⁶. Этот чиновник обожал бывать в Атлантик-Сити⁹⁷, но в другой дневниковой записи отмечал: «Там не продохнуть от евреев. Днем по субботам и воскресеньям пляжи представляют собой удивительное зрелище – песка почти не видно под телами полураздетых евреев и евреек»⁹⁸.

Другой высокопоставленный чиновник, помощник госсекретаря Уилбур Карр, осуществлявший общее руководство консульской службой США, частенько называл евреев «жидами»⁹⁹. В служебной записке о русских и польских иммигрантах он писал: «Они грязны, они настроены против Америки, их привычки часто опасны»¹⁰⁰. После поездки в Детройт он отмечал, что город полон «пыли, дыма, грязи, евреев»¹⁰¹. Как и Филлипс, он жаловался на засилье евреев в Атлантик-Сити. Как-то в феврале они с женой провели там три дня, и каждый день он делал в дневнике запись, так или иначе поносящую евреев. «Весь день гуляя по Променаду, мы встретили лишь немногих людей, не принадлежащих к иудейскому племени, – писал он в первый день. – Кругом одни евреи, причем самые что ни на есть типичные»¹⁰². Вечером они с женой ужинали в отеле «Кларидж». Их возмутило, что в зале ресторана полно евреев, «причем мало кто из них выглядел прилично; лишь двое посетителей (не считая меня) были в смокингах. В зале царил слишком непринужденная атмосфера». На следующий вечер Карры отправились на ужин в другой отель («Мальборо-Бленхейм») и нашли обстановку там куда более изысканной и утонченной. «Мне понравилось, – писал Карр. – Как это не похоже на еврейскую атмосферу “Клариджа”!»¹⁰³

Один из членов Американского еврейского комитета характеризовал Карра как «анти-сеμίта и пройдоху, который очень красиво говорит и при этом ухитряется ничего для нас не делать»¹⁰⁴.

И Карр, и Филлипс предпочитали выступать за соблюдение действовавшего иммиграционного законодательства, запрещавшего въезд в страну тем, для кого «высока вероятность оказаться на государственном обеспечении» (печально знаменитый «пункт о государственном обеспечении»¹⁰⁵). Это положение Закона об иммиграции 1917 г.¹⁰⁶ вновь вступило в силу в 1930 г., еще при Гувере. Его целью было ограничение иммиграции в период резкого роста безработицы. Сотрудники консульств обладали огромными полномочиями в области принятия решений о том, кому разрешать въезд в Америку, а кому нет. Именно консульства решали, кому из подавших заявление на получение визы можно отказать на основании «пункта о государственном обеспечении». Иммиграционное законодательство также требовало, чтобы заяви-

⁹⁶ Phillips, Diary, April 20, 1935.

⁹⁷ Атлантик-Сити – город в штате Нью-Джерси, популярное место отдыха, славящееся многочисленными пляжами, казино и другими развлекательными заведениями.

⁹⁸ Phillips, Diary, Aug. 10, 1936; Breitman and Kraut, 36–37. Брайтман и Краут вообще пишут о Филлипсе без особых экивоков. На с. 36 они прямо указывают: «Филлипс ненавидел евреев».

⁹⁹ Gellman, 37.

¹⁰⁰ Breitman and Kraut, 32.

¹⁰¹ Gellman, 37.

¹⁰² Carr, Diary, Feb. 22, 1934, Carr Papers.

¹⁰³ Там же, Feb. 23, 1934.

¹⁰⁴ Breitman and Kraut, 36.

¹⁰⁵ Уилбур Карр подробно и бесстрастно обсуждает «пункт о государственном обеспечении» и другие иммиграционные правила в своей служебной записке “The Problem of Aliens Seeking Relief from Persecution in Germany” (April 20, 1933, Carr Papers).

¹⁰⁶ Immigration Act of 1917. – Прим. ред.

тели представляли полученное в полиции свидетельство об их благонадежности, а также копии свидетельств о рождении и некоторых других документов, выдаваемых властями. Один еврейский мемуарист писал: «Требование представить характеристику, полученную у врага, выглядело совершенно нелепым»¹⁰⁷.

Еврейские активисты утверждали, что консульства получают негласные указания выдавать лишь незначительную долю общего количества виз, предусмотренных страновой квотой¹⁰⁸. Как выяснилось, это заявление было далеко не безосновательным. Чарльз Визанский, главный юрисконсульт министерства труда, именно в 1933 г. обнаружил, что консулы получали неофициальные распоряжения ограничивать количество выдаваемых виз 10 % квоты. Кроме того, еврейские лидеры утверждали, что само получение документов в полиции стало не просто трудным, но чрезвычайно опасным делом – «почти непреодолимым препятствием» для эмиграции, как отмечал судья Проскауэр в письме заместителю госсекретаря Филлипсу¹⁰⁹.

Филлипса задело, что Проскауэр называет процедуру выдачи виз в консульствах «препятствием». «Всякий консул, – отвечал он с легким укором, – заботится лишь о том, чтобы, оказывая заявителям всемерную помощь и проявляя понимание, определять, соблюдаются ли при этом требования закона»¹¹⁰.

По словам Проскауэра и некоторых других еврейских лидеров, из-за сложившейся практики евреи просто перестали обращаться в консульства за визами¹¹¹. И действительно, количество заявок, подаваемых проживающими в Германии евреями, составляло лишь ничтожную долю общего количества виз, предусмотренных годовой квотой, достигавшей 26 000. Это обстоятельство давало чиновникам Госдепартамента, выступавшим против реформы иммиграционной политики, мощный статистический аргумент: существует ли проблема, если заявки подают так мало евреев?¹¹² Еще в апреле 1933 г. Рузвельта, казалось, устраивал этот аргумент. Помимо всего прочего, он знал: любые попытки либерализации иммиграционного законодательства могут побудить конгресс резко сократить установленные квоты.

Когда Рузвельт встретился с Доддом за ланчем, он уже прекрасно понимал, какой тонкий баланс приходится соблюдать в этом вопросе.

– Немецкие власти обращаются с евреями безобразно, и евреев нашей страны это глубоко возмущает, – объявил он Додду. – Но этот вопрос не входит в компетенцию нашей администрации. Мы не можем ничего сделать, если только речь не идет об оказавшихся жертвами такого обращения американских граждан. Последних мы обязаны защищать. Однако все, чего мы можем добиться с помощью неофициального и личного влияния, чтобы ослабить гонения против немецких евреев, должно быть сделано¹¹³.

¹⁰⁷ Wolff, 89.

¹⁰⁸ Breitman and Kraut, 15.

¹⁰⁹ Proskauer to Phillips, July 18, 1933, vol. 17, p. 35, *Archives of the Holocaust*. Phillips to Proskauer, Aug. 5, 1933, vol. 17, p. 40, *Archives of the Holocaust*. Переписка между Филлипсом и Проскауэром (с. 32–46 указанного документа) – необыкновенно увлекательное чтение, причем важно и то, что они пишут, и то, о чем умалчивают. Одну позицию отстаивал Филлипс, бесстрастно приводивший статистические данные (как мы уже видели, он терпеть не мог евреев), другую – судья Проскауэр, чьи осторожные фразы, надо полагать, были призваны замаскировать вопль страдания.

¹¹⁰ Dippel, 114; Proskauer to Phillips, July 18, 1933, vol. 17, p. 36, *Archives of the Holocaust*. Проскауэр сообщает Филлипсу: «За последние годы иммигрантам (если не учитывать родственников американских граждан) выписано ничтожное количество виз по сравнению с предоставляемой США визовой квотой, и их доля в дальнейшем едва ли изменится. Данный факт хорошо известен и мешает немецким евреям подавать заявления на получение визы, так как они убеждены в тщетности своих усилий».

¹¹¹ Breitman and Kraut, 14.

¹¹² Dodd, *Diary*, 5.

¹¹³ Там же.

Затем беседа перешла в практическое русло. Додд настойчиво утверждал, что не намерен выходить за рамки положенного ему годового оклада \$17 500 – немалая сумма для времен Великой депрессии, но слишком незначительная для посла, которому предстояло ублажать европейских дипломатов и нацистских чиновников¹¹⁴. Однако для Додда это был вопрос принципа: он считал, что послу не пристало жить в роскоши, когда большинство его соотечественников едва сводили концы с концами. Впрочем, других вариантов все равно не предвиделось: в отличие от многих других послов у него не было собственного капитала, а значит, он не смог бы жить в роскоши, даже если бы захотел.

– В общем-то вы правы, – ответил Рузвельт. – Если не считать двух-трех званых обедов и приемов, вам незачем устраивать дорогостоящие светские мероприятия. Постарайтесь оказывать должное внимание американцам, проживающим в Берлине, и время от времени приглашайте на обед немцев, заинтересованных в развитии отношений с Америкой. Думаю, вам удастся прожить на одно жалованье, не жертвуя какими-либо существенными составляющими посольских обязанностей¹¹⁵.

После обсуждения торговых тарифов и сокращения вооружений ланч завершился.

Было два часа дня. Додд вышел из Белого дома и пешком отправился в Госдепартамент, где планировал встретиться с несколькими чиновниками и ознакомиться с депешами из Берлина, а именно пространными посланиями генерального консула Джорджа Мессерсмита. Его доклады вызвали у Додда немалую обеспокоенность.

Гитлер уже полгода занимал пост канцлера, добившись назначения посредством политической договоренности. Но пока он не обладал абсолютной властью. Президент Германии, фельдмаршал Пауль фон Бенекендорф унд фон Гинденбург, которому исполнилось 85 лет, по-прежнему обладал конституционными полномочиями, позволяющими назначать и смещать канцлера и министров, а кроме того, что не менее важно, пользовался поддержкой армии – рейхсвера. По сравнению с Гинденбургом и Гитлер, и его заместители были на удивление молоды: Гитлеру тогда было всего 44 года, Герману Герингу – 40 лет, Йозефу Геббельсу – 36 лет.

Одно дело – читать в газетах истории о неуравновешенности Гитлера, о чинимых его правительством жестоких расправах с евреями, коммунистами и другими противниками режима. (В Америке было распространено убеждение, что в таких материалах масса преувеличений, ведь ни одно современное государство, разумеется, не может вести себя подобным образом.) Другое дело – изучать официальные доклады. Здесь, в Госдепартаменте, Додд одну за другой читал депеши, в которых Мессерсмит описывал стремительное превращение Германии из демократической республики в беспощадную диктатуру¹¹⁶. Генконсул не скупился на подробности. Из-за привычки писать длинно его давно прозвали Джордж Сорок Страниц¹¹⁷. Он писал о повсеместном распространении насилия в течение нескольких месяцев, прошедших после назначения Гитлера, и о том, что государство все более жестко контролирует все стороны жизни немецкого общества. Так, 31 марта были похищены трое американских граждан. Их приволокли в одну из пыточных камер штурмовиков, раздели догола и на всю ночь оста-

---

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Dallek, 191; Stiller, 33, 36–37; Kershaw, *Hubris*, 473–474.

¹¹⁶ Stiller, 5. Джей Пьерпонт Моффат, возглавлявший в Госдепартаменте управление по делам Западной Европы, оставил в своем дневнике следующую запись от 6–7 октября 1934 г.: «В субботу днем было холодно и дождливо, так что я сидел дома, внимательно читая четыре последних личных послания Мессерсмита (может показаться, что на чтение не хватило бы и полдня, но у меня оно заняло часа два)».

¹¹⁷ Messersmith to Hull, May 12, 1933, Messersmith Papers.

вили в холодном помещении. Утром американцев начали избивать. Их били, пока они не потеряли сознание. Тогда их вышвырнули на улицу. Исчез корреспондент агентства United Press International, и лишь после запросов Мессерсмита его отпустили целым и невредимым. Недавно гитлеровское правительство объявило однодневный бойкот еврейским коммерческим предприятиям Германии – магазинам, адвокатским конторам, частным клиникам. А еще нацисты жгли на кострах книги, увольняли евреев, устраивали бесконечные марши штурмовых отрядов, не говоря уже о подавлении свободной прессы, некогда столь пестрой и бойкой. По словам Мессерсмита, органы печати были поставлены под жесточайший государственный контроль, «какого еще, вероятно, не знала ни одна страна мира; цензуру можно считать абсолютной»¹¹⁸.

Впрочем, в одной из последних депеш тон Мессерсмита явно сменился на более позитивный, что не могло не порадовать Додда. Генконсул с несвойственным ему оптимизмом сообщал: он видит признаки стабилизации обстановки и объяснял это растущей уверенностью Гитлера, Геринга и Геббельса в своих силах. «Ответственность за страну уже довольно заметно изменила вождей партии, – писал Мессерсмит. – Все указывает на то, что они будут вести себя более разумно; изменения к лучшему происходят постоянно»¹¹⁹.

Додд не имел возможности прочесть донесение, написанное Мессерсмитом вскоре после отправки этой депеши. В нем генконсул признавал ошибочность радужной оценки происходящего в Германии. Это письмо с пометкой «Лично. Конфиденциально» было адресовано заместителю госсекретаря Филлипсу. Послание, датированное 26 июня 1933 г., пришло уже после отбытия Доддов в Берлин.

«В своих депешах я пытался подчеркнуть, что высшее руководство партии становится более умеренным, тогда как лидеры среднего звена и народные массы настроены столь же радикально, как и прежде. Я указывал, что вопрос в том, сумеют ли вожди внушить свою умеренность массам, – писал Мессерсмит. – Я все сильнее склоняюсь к тому, что им не удастся этого сделать и давление снизу будет только нарастать»¹²⁰. Он отмечал: многие партийные бонзы больше не кажутся умеренными, особенно Геринг и Геббельс. «Доктор Геббельс ежедневно провозглашает, что революция только началась и что сделанное до сих пор лишь увертюра».

Арестовывали священников. Бывшего президента Нижней Силезии, которого Мессерсмит знал лично, отправили в концентрационный лагерь. Генконсул видел нарастающую истерию в кругах лидеров нацистской партии среднего звена. Это выражалось в их убежденности в том, что «полную безопасность можно обеспечить, лишь отправив за решетку все население страны». Страна втайне активно готовилась к войне. Пропаганда внедряла представление, что «весь мир настроен против Германии, которая перед ним совершенно незащищена». Мессерсмит предостерегал: гитлеровские заявления о мирных намерениях ничего не значат, они делаются лишь для того, чтобы выиграть время и заново вооружить страну¹²¹. «Эти люди, несомненно, мечтают создать в Германии самую эффективную в истории военную машину», – писал генконсул.

¹¹⁸ Там же, 15. См. также: Messersmith to Hull, June 19, 1933, Messersmith Papers. В депеше от 19 июня Мессерсмит сообщает: «Благодаря отрезвляющему влиянию ответственности взгляды верховных вождей на практически все вопросы неуклонно становятся все более умеренными. Во многих отношениях эта умеренность уже претворяется в конкретные действия».

¹¹⁹ Messersmith to Phillips, June 26, 1933, Messersmith Papers.

¹²⁰ Carr, Diary, June 15, 1933, Carr Papers.

¹²¹ После окончания Первой мировой войны Германия, согласно условиям Версальского мирного договора, резко сократила вооружения и обязалась не наращивать их.

В Вашингтоне Додд присутствовал на приеме в немецком посольстве, устроенном в его честь. На нем он познакомился с Уилбуром Карром. Позже Карр написал в дневнике о впечатлении, которое произвел на него Додд: «Приятный, интересный человек, с блестящим чувством юмора и держится просто и скромно»¹²².

Додд также нанес визит еще одному чиновнику Госдепартамента – руководителю Бюро по делам Западной Европы Джею Моффату, разделявшему неприязнь Карра и Филлипса к евреям и их жесткое отношение к вопросу об иммиграции¹²³. Моффат тоже написал о новом поэле: «Он очень энергично отстаивает свое мнение, выражается категорично и назидательно, часто иллюстрирует свои тезисы конкретными примерами. Вызывает сомнение лишь то, что он собирается руководить посольством и содержать семью из четырех человек на одно жалование. Я совершенно не понимаю, как он сможет делать это в Берлине с его заоблачными ценами»¹²⁴.

Ни Карр, ни Моффат не написали в дневниках об удивлении и недовольстве, с которыми они, как и многие другие представители их круга, узнали о назначении Додда. Они жили в особом мире, куда допускались лишь люди соответствующего происхождения. Многие учились в одних и тех же престижных подготовительных школах – главным образом в школе Святого Павла и Кротоне¹²⁵, затем поступали в Гарвард, Йель или Принстон. Заместитель госсекретаря Филлипс вырос в районе Бэк-Бэй в Бостоне, в огромном викторианском особняке, напоминающем груды камней¹²⁶. Уже в 21 год он стал обладателем крупного капитала, а позже вошел в правление Гарварда. Большинство представителей этого круга, служившие в Госдепартаменте, располагали немалыми средствами и, трудясь за границей, щедро тратили их в том числе и на служебные дела, не рассчитывая на возмещение расходов. Один такой чиновник, Хью Уилсон, восхищаясь своими собратьями-дипломатами, писал: «Все они считали себя членами одного и того же очень престижного клуба. А это ощущение рождает здоровый дух товарищества»¹²⁷.

По меркам членов этого клуба Додд был настолько беден, насколько они могли вообразить.

Додд вернулся в Чикаго, чтобы собрать вещи и попрощаться с друзьями и коллегами, после чего вместе с женой и детьми, Мартой и Биллом, на поезде отправился в Вирджинию, чтобы в последний раз побывать на своей ферме близ Раунд-Хилл. Сравнительно недалеко от фермы, в Северной Каролине, проживал его отец, уже упоминавшийся Джон Додд. Ему было 86 лет, но Уильям Додд (несмотря на то что сам хотел, чтобы его дети всегда были рядом

---

¹²² Weil, 41.

¹²³ Moffat, Diary, June 15, 1933.

¹²⁴ Phillips, "Reminiscences," 3, 50, 65, 66, 99; Phillips, *Ventures*, 4, 5, 183. В этом интервью, посвященном истории, Филлипс сообщает: «Тот Бостон, в котором я рос, ограничивался для меня кругом друзей, обитавших на Холме* и в районе Бэк-Бэй. Местное сообщество было замкнутым, сосредоточенным на себе; мы жили в окружении двоюродных братьев и сестер, дядюшек, тетюшек, и нас ничто не подталкивало к тому, чтобы обсуждать государственные или международные дела. <...> Должен признаться, расти так было весьма приятно, однако это была очень легкая жизнь, не предъявлявшая к нам особых требований. Мы не замечали никаких признаков бедности. <...> По сути, мы жили как бы на острове благополучия» (с. 2–3).* Речь идет о холме Бикон-Хилл, одном из престижных районов Бостона.

¹²⁵ В США подготовительные школы – частные школы, готовящие учащихся к поступлению в высшие учебные заведения. Здесь речь идет о школе Святого Павла в Конкорде (штат Нью-Гэмпшир) и школе Кротон-Хармон в Кротоне-на-Гудзоне (штат Нью-Йорк).

¹²⁶ Weil, 47.

¹²⁷ Dodd to John D. Dodd, June 12, 1933, Box 2, Martha Dodd Papers.

с ним) поначалу не планировал навестить отца, поскольку Рузвельт требовал, чтобы новый посол отбыл в Берлин как можно скорее. Додд написал отцу и сообщил о своем назначении и о том, что не сможет побывать у него до отъезда. В конверт он вложил немного денег. В письме была такая фраза: «Мне жаль, что я всегда был так далеко от тебя»¹²⁸. Отец ответил быстро. Он писал, что гордится сыном, удостоившимся «такой чести от федеральных властей», но ехидно добавлял (наверное, только родители умеют находить такие обидные слова, вызывающие в детях острое чувство вины и заставляющие их менять планы): «Если мы больше не увидимся на этом свете, ничего страшного. Я все равно буду гордиться тобой в свои последние часы»¹²⁹.

Додд изменил свои планы, и 1 июля, в субботу, они с женой уже сидели в спальном вагоне поезда, направлявшегося в Северную Каролину. Во время визита к отцу Додда они выкроили время на то, чтобы посетить некоторые местные достопримечательности. Они прикоснулись к родной земле, словно прощаясь с ней. Они зашли на кладбище, где были похоронены многие их родные. Додд постоял перед могилой матери, умершей в 1909 г. Бродя по траве, он наткнулся на захоронения своих предков, некогда участвовавших в войне Севера и Юга, в том числе двоих, вместе с генералом Робертом Ли сдавшихся в плен при Аппоматоксе¹³⁰. Этот визит напомнил о невзгодах, которые довелось пережить семье, и быстротечности жизни. «Довольно печальный день», – писал Додд в дневнике¹³¹.

Супруги вернулись на вирджинскую ферму, а затем на поезде отправились в Нью-Йорк. Дети, Марта и Билл, ехали в семейном «шевроле», который вели поочередно. Автомобиль собирались оставить в порту, чтобы переправить в Берлин.

В Нью-Йорке Додд предпочел бы провести день-два с семьей, но в Госдепартаменте настаивали: он должен встретиться с несколькими руководителями банков (для обсуждения вопроса о выплате немецкого долга, который не слишком интересовал будущего посла) и лидерами еврейского движения. Додд опасался, что и американская, и немецкая пресса могут выставить эти встречи в ложном свете и это помешает ему продемонстрировать в Берлине объективность и непредвзятость¹³². Тем не менее он согласился и целый день общался с этими людьми. Встречи напоминали визиты призраков из «Рождественской песни в прозе» Диккенса. Видный общественный деятель, помогавший евреям, притесняемым в Германии, написал Додду, что вечером 3 июля, в понедельник, в половине девятого и в девять, к нему придут представители двух организаций¹³³. Встречи должны были состояться в клубе «Сенчери», который служил Додду своего рода штаб-квартирой в Нью-Йорке.

Сначала Додд встретился с банкирами – в помещении нью-йоркского отделения National City Bank (годы спустя этот банк будет называться просто Citibank). Додд с изумлением узнал, что National City Bank и Chase National Bank являются держателями немецких облигаций на сумму более \$100 млн, причем Германия предлагает вернуть часть долга немедленно, выплатив около 30 центов на каждый доллар. «Было много разговоров, но к единому мнению мы так и не пришли, если не считать заявления, что я должен делать все возможное, чтобы помешать

¹²⁸ John D. Dodd to Dodd, June 15, 1933, Box 2, Martha Dodd Papers.

¹²⁹ Dodd, *Diary*, 8.

¹³⁰ Сражение при Аппоматоксе (9 апреля 1865 г.) стало последней крупной битвой американской Гражданской войны. В тот же день армия генерала Ли капитулировала.

¹³¹ Dallek, 194; Floyd Blair to Jay Pierrepont Moffat, June 28, 1933, Box 40, W. E. Dodd Papers.

¹³² George Gordon Battle to Dodd, July 1, 1933, Box 40, W. E. Dodd Papers. См. также телеграмму: Battle to Dodd, July 1, 1933, Box 40.

¹³³ Dodd, *Diary*, 9.

Германии объявить дефолт», – писал Додд¹³⁴. Он не очень сочувствовал банкирам. Ослепленные перспективой получить по немецким бумагам жирные проценты, они совершенно не отдавали себе отчета в очевидном риске: раздавленная войной, политически нестабильная страна вполне могла объявить дефолт.

Вечером Додд, как и планировалось, встретился с еврейскими лидерами. Среди них был Феликс Варбург, один из ведущих финансистов, который обычно выступал в поддержку «более мягкого» подхода, продвигаемого Американским еврейским комитетом, и раввин Уайз, представлявший настроенный более жестко Американский еврейский конгресс. Додд писал в дневнике: «Дискуссия продолжалась полтора часа; говорили, что немцы постоянно убивают евреев; более того, из-за гонений вполне обычным делом стали самоубийства евреев (сообщалось, что такие случаи имели место и в семье Варбург); наконец, у евреев конфискуют всю собственность»¹³⁵.

Видимо, на этой встрече Варбург рассказал о самоубийстве двух своих пожилых родственников¹³⁶. Мориц и Кати Оппенгейм покончили с собой во Франкфурте примерно за три недели до встречи. Позже Варбург писал: «Нет никаких сомнений, что гитлеровский режим буквально отравил им существование и что они не вынесли такой жизни».

Посетители убеждали Додда надавить на Рузвельта, чтобы тот официально вмешался в происходящее. Но Додд ответил отказом: «Я настойчиво повторял, что администрация не может вмешиваться официально, но заверил участников беседы, что употреблю все свое личное влияние, чтобы противостоять несправедливому обращению с евреями Германии, и, разумеется, буду протестовать против жестокого обращения с евреями, являющимися гражданами США»¹³⁷.

Затем Додд сел на поезд, в 23:00 отправлявшийся в Бостон. Он прибыл в этот город рано утром (было уже 4 июля). За ним прислали машину с водителем. Автомобиль доставил его к дому полковника Эдварда Хауса, друга Додда и советника Рузвельта. Им предстоял деловой завтрак.

Во время беседы, в ходе которой был затронут широкий круг вопросов, Додд впервые узнал, что его кандидатура отнюдь не была первой, рассматриваемой Рузвельтом. Эта новость несколько умерила его гордость¹³⁸. В дневнике Додд отметил, что теперь у него не было никаких оснований «кичиться своим назначением».

Когда речь зашла о преследованиях евреев в Германии, полковник Хаус настойчиво призвал Додда делать все, что в его силах, чтобы «облегчить страдания евреев», но добавил: «Евреям нельзя позволить снова занимать господствующее положение в экономической и интеллектуальной жизни Берлина, которое они занимали на протяжении долгого времени»¹³⁹.

Таким образом, полковник Хаус выразил настроения, широко распространенные в тогдашней Америке: евреи Германии в какой-то мере были сами виноваты в своих бедах. В тот же день, уже по возвращении в Нью-Йорк, Додд столкнулся с более жесткими взглядами на этот вопрос. Вместе с семьей он был приглашен на званый ужин, который устраивал в своей квартире на Парк-авеню Чарльз Крейн – 75-летний арабист и филантроп, чье семейство разбогатело на продаже сантехники. Про Крейна говорили, что он пользуется огромным влиянием во многих странах Ближнего Востока и Балканского полуострова. Он оказывал щедрую

---

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Chernow, 374–375, 388.

¹³⁶ Dodd, *Diary*, 9.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, 10.

¹³⁹ Crane to Dodd, June 14, 1933, Box 40, W. E. Dodd Papers.

финансовую поддержку факультету Чикагского университета, где преподавал Додд: стараниями филантропа там была учреждена кафедра истории России и российских институтов.

Додд знал, что Крейна не назовешь другом евреев. Некоторое время назад тот написал ему, поздравил с назначением на пост посла и счел нужным дать такой совет: «Евреи, победившие в войне, стремительным галопом продвигаются вперед. Они уже заполучили Россию, Англию и Палестину, а теперь их застукали за попыткой заграбастать еще и Германию¹⁴⁰. Однако там они впервые получили серьезный отпор, что привело их в ярость, и теперь своей антигерманской пропагандой вводят в заблуждение весь мир (и в особенности доверчивую Америку). Настоятельно рекомендую вам сопротивляться любым их попыткам наладить с вами какие-либо связи»¹⁴¹.

Вообще говоря, Додд отчасти разделял убежденность Крейна в том, что евреи отчасти сами виноваты в своих бедах¹⁴². Уже по прибытии в Берлин он написал Крейну: хотя он, Додд, и «не одобряет жестких мер, которые здесь применяют к евреям», но тем не менее полагает, что обиды немцев небезосновательны. «Когда я получил возможность неофициально пообщаться с некоторыми видными немецкими деятелями, я весьма откровенно говорил, что они столкнулись с очень серьезной проблемой и, судя по всему, не знают, как ее решить, – писал он. – Количество ключевых постов, занимаемых в Германии евреями, не соответствовало их доле в общей численности населения и способностям».

За ужином Додд услышал, как Крейн горячо восхищается Гитлером, а также узнал, что тот отнюдь не возражает против жесткого обращения нацистов с евреями, проживающими в Германии.

В тот вечер, когда Додды уже уходили, Крейн дал новоиспеченному послу еще один совет: «Пусть Гитлер поступает как хочет, не пытайтесь ему помешать»¹⁴³.

На следующий день, 5 июля 1933 г., в одиннадцать утра Додды на такси отбыли в порт. Там они поднялись на борт лайнера «Вашингтон», направлявшегося в Гамбург. По дороге они встретили Элеонору Рузвельт. Она провожала сына, Франклина-младшего, отбывающего в Европу, где он планировал пожить некоторое время.

На палубе теснилась кучка репортеров¹⁴⁴. Они окружили Додда, стоявшего вместе с женой и сыном (Марта была где-то на другом конце палубы). Журналисты забрасывали Доддов вопросами, просили помахать рукой, чтобы запечатлеть их прощальный жест. Те неохотно согласились и, как писал глава семейства, «вскинули руки, не понимая, что этот прощальный жест похож на гитлеровское приветствие, о котором они тогда еще ничего не знали».

Снимки наделали шума: жесты Додда, его жены и сына действительно напоминали нацистские приветствия.

Додда снова охватили дурные предчувствия. К этому моменту он уже начал задумываться о том, не совершает ли ошибку, покидая Чикаго и расставаясь с прежней жизнью¹⁴⁵. Лайнер

---

¹⁴⁰ Крейн имел в виду Первую мировую войну, после которой в России пало самодержавие, а Палестина, согласно мандату Лиги Наций, была передана под управление Англии, после чего на этой территории резко возросла численность еврейского населения. – *Прим. ред.*

¹⁴¹ Dodd to Crane, Sept. 16, 1933, Box 40, W. E. Dodd Papers.

¹⁴² Dodd, *Diary*, 11.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, 7.

¹⁴⁵ Dodd, *Embassy Eyes*, 17.

отчалил. О чувствах, которые испытывало в этот момент семейство, Марта потом писала как о «необъяснимо сильной грусти и ожидании всевозможных невзгод»⁵⁵.

Она разрыдалась.

Глава 5 Первый вечер в Берлине

В следующие два дня Марта часто плакала – «обильно и сентиментально», по ее выражению¹⁴⁶. Дело было не в тревоге о будущем: она почти не думала о том, какой может оказаться жизнь в гитлеровской Германии. Скорее, она оплакивала все то, что оставляла позади: людей и места, друзей и работу, привычный уют дома на Блэкстоун-авеню, ее милого Карла. Из всего этого и состояла ее «невыразимо прекрасная» жизнь в Чикаго. Если Марте требовалось напоминание о том, что она теряет, достаточно было вспомнить ее место за столом на прощальном ужине: его можно было считать символичным. Она сидела между Сэндбергом и другим своим близким другом – Торнтоном Уайлдером.

Но постепенно грусть уходила. Море было спокойно, дни стояли ясные. Девушка по-дружески общалась с сыном Рузвельта, они танцевали, пили шампанское, изучали свои паспорта. В паспорте молодого человека лаконично значилось: «Сын президента Соединенных Штатов Америки», Марта несколько более торжественно именовалась «дочерью Уильяма Э. Додда, чрезвычайного и полномочного посла Соединенных Штатов в Германии». Отец потребовал, чтобы и она, и ее брат ежедневно приходили к нему в каюту (номер А-10) и по меньшей мере час слушали, как он вслух читает по-немецки. Он делал это для того, чтобы дети привыкали к звучанию немецкой речи. Додд был непривычно мрачным. Марта видела, что он нервничает. Раньше она за ним такого не замечала.

А для нее перспектива грядущих приключений скоро вытеснила последние остатки грусти. Она плохо разбиралась во внешней политике и, по ее признанию, не осознавала значимости происходящего в Германии. Гитлер представлялся ей «клоуном, похожим на Чарли Чаплина»¹⁴⁷. Подобно многим другим гражданам тогдашней Америки, да и других стран, она не могла предположить, что он продержится у власти достаточно долго, и не понимала, что к нему следует относиться серьезно. Что касается положения немецких евреев, то по этому вопросу она придерживалась двойственной позиции. Будучи студенткой Чикагского университета, она ощущала воздействие «неявной, подспудной пропаганды, нацеленной на учащихся» и сеющей ненависть к евреям¹⁴⁸. Марта обнаружила, что «даже многие преподаватели завидовали более одаренным коллегам и студентам-евреям». А сама она? «Я была немного антисемиткой. Я тоже считала, что внешне евреи не так привлекательны, как представители других национальностей, и что их не следует особенно привечать»¹⁴⁹. Кроме того, она замечала, что начинает разделять представление, согласно которому евреи действительно талантливы (как правило) и богаты (всегда), что они напористы и бесцеремонны. Это представление разделяла и значительная доля американцев, что подтверждалось результатами опросов общественного мнения, проводившихся в 1930-х гг., когда они только начали использоваться. По данным одного опроса, 41 % респондентов считали, что евреи пользуются в США «слишком сильным влиянием»¹⁵⁰. Согласно результатам другого опроса, каждый пятый респондент хотел бы «изгнать евреев из США». (Аналогичный опрос, проведенный спустя несколько десятилетий, в 2009 г., покажет,

---

¹⁴⁶ Dodd, *Embassy Eyes*, 17–18.

¹⁴⁷ Там же, 10.

¹⁴⁸ Там же, 5.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Breitman and Kraut, 88.

что доля американцев, считающих, что евреи захватили слишком много власти в стране, сократилась до 13 %¹⁵¹.)

Одна из соучениц Марты отмечала ее сходство со Скарлетт О'Хара, называла ее «обольстительной, роскошной блондинкой с голубыми глазами и бледной, полупрозрачной кожей»¹⁵². Марта считала себя писательницей и надеялась в будущем профессионально заниматься сочинением рассказов и романов. Сэндберг поддерживал ее намерения. «Ты уже яркая личность, – писал он ей. – Время, уединение, труд – вот что тебе нужно: простые и хорошо известные условия, которые можно считать главными. У тебя есть и почти все остальное для того, чтобы заниматься литературным трудом»¹⁵³. Вскоре после отбытия Доддов в Берлин он в очередном письме призвал ее писать обо всем, что происходит вокруг, и «поддаваться любому порыву делать короткие зарисовки, записывать впечатления, внезапные лирические фразы – у тебя такой дар переносить все это на бумагу»¹⁵⁴. Но главное, настаивал он, «выясни, из чего сделан этот самый Гитлер, что заставляет работать его мозг, из чего сделаны его кости и кровь»¹⁵⁵.

Торнтон Уайлдер тоже дал Марте совет на прощание¹⁵⁶¹⁵⁷. Он предостерегал ее от писанины для газет, потому что «поденщина» не позволит сосредоточиться на серьезных текстах. При этом он рекомендовал вести дневник и описывать «внешнюю сторону происходящего в переживаемые нами времена бурных политических событий, слухи и мнения». В будущем, писал он, такой дневник будет «представлять огромную ценность и для тебя, и – о боже! – для меня». Некоторые друзья Марты полагали, что ее отношения с ним носят романтический характер, однако на самом деле он был увлечен не ею. Впрочем, у Марты был медальон с его фотографией¹⁵⁸.

На второй день плавания Додд, прогуливаясь по палубе лайнера «Вашингтон», увидел знакомое лицо. Он узнал раввина Уайза, одного из еврейских лидеров, с которым встречался в Нью-Йорке три дня назад. Путешествие продолжалось еще неделю, и за это время они успели поговорить о Германии «раз пять или больше», как сообщал Уайз другому еврейскому лидеру – судье федерального Апелляционного суда¹⁵⁹

---

¹⁵¹ Anti-Defamation League, 2009, ADL.org.

¹⁵² Vanden Heuvel, 225.

¹⁵³ Sandburg, Box 63, W. E. Dodd Papers.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Dodd, *Embassy Eyes*, 16–17.

¹⁵⁶ Wilder to Martha, n.d., Box 63, W. E. Dodd Papers. В письме от 15 сентября 1933 г. Уайлдер вспоминает: «Так и вижу эти атаки с воздуха (явный намек на «воздушные» ухаживания за ней со стороны Эрнста Удета, летчика-аса Первой мировой войны, любителя воздушных приключений), чаепития с танцами, кинозвезд и стремительные (вскоре ставшие осенними*) прогулки в самом осеннем из всех великих парков. Но я совершенно не вижу тебя в одиночестве, или в кругу семьи (тоже в своеобразном одиночестве), или наедине с пишущей машинкой. Твои письма настолько полны жизни, что полностью скрывают твою вторую ипостась, – она скрыта от моего внутреннего взора». В письмах он обращается к ней по-разному: «Дорогая Марти», «Дорогая Красотка», «Дорогая Марти-la-Belle¹⁵⁷». «Мы – упрямые ребята, – писал он ей в апреле 1935 г., – мы оба – нелепые, упрямые ребята, раздражающие всех вокруг, нам на роду написано быть друзьями».* В США считается, что осень наступает в день осеннего равноденствия – 22 сентября.

¹⁵⁷ Марти-la-Belle (фр.) – красавица Марти.

¹⁵⁸ Brysac, 142.

¹⁵⁹ Официальное название должности – судья Апелляционного суда США по второму федеральному апелляционному округу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.